

Олег Никитин

ПУШКИ

ПРОТИВ

МАГИИ

ИНЖЕНЕР
ПОВЕЛИТЕЛЬ ГНОМОВ

Олег Алексеевич Никитин

Инженер – повелитель гномов

Серия «Пушки против магии (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9246397

Олег Никитин. Инженер – повелитель гномов: Якуза Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-78046-4

Аннотация

Шахтер Николай Осипов мечтал побыстрее закончить смену и вернуться к любимым компьютерным играм. Но после обвала он попадает в параллельный мир, прямиком в подгорное королевство гномов, где вынужден взять на себя бразды правления. А в королевстве плетутся невидимые нити коварных заговоров, бушует экономический кризис, на границах разбойничают орки, а пресветлые эльфы так и норовят подмять под себя источник добычи самоцветных камней. В довершение всех бед прямо в штрабах королевства бродят вражеские диверсионные группы и жутко воют злобные создания темной магии. Справится ли наш современник, обычный горный инженер, со свалившейся на него ответственностью? Сможет ли правитель Рудного королевства Николай Осипов привести народ гномов к процветанию? Кто может помочь в этом трудном деле? Или помешать...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	39
Глава вторая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Олег Никитин

Инженер –

повелитель гномов

© Никитин О.А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

В оформлении переплета использована иллюстрация художника Н. Дихтяренко

* * *

Пролог

Инженер участка вентиляции и техники безопасности шахты «Раздорская» объединения «Гуковтрансуголь» Николай Осипов с утра пребывал в отличном настроении. Вернее, даже не с утра, а с прошлого вечера. С того самого момента, как Николай навел курсор на иконку «купить» и у него в ангаре появился столь долгожданный линейный корабль дальнего космоса «Бостон». Уж теперь его коллеги по игре прекратят ехидные подколки, и Николай сможет наравне с ними участвовать в захватывающих клановых битвах за территорию!

До семи часов утра Николай носился по картам на новеньком, только что с конвейера линкоре и разваливал на части вражеские фрегаты и корветы. Да, он не ошибся! Почти два с половиной миллиона игровых кредитов и восемьдесят тысяч единиц опыта потрачены не впустую! Вовсе даже не впустую. «Бостон» оказался на редкость удачной моделью – противники плакали кровавыми слезами и писали оскорбления в игровом чате. Сорвав напоследок орудийные башни с большого транспорта и полностью его разграбив, Николай побрызгал себе на лицо холодной водичкой и, окрыленный боевыми успехами, помчался на работу.

В обеденный перерыв инженер в столовую не пошел, а наскоро перекусив прихваченными из дома бутербродами,

уединился за компьютером, вошел в игру и несколько минут любовался радующими глаз обводами корпуса своего любимца...

Увы, все хорошее в этом мире имеет свойство заканчиваться; а иногда это хорошее заканчивается совсем плохо. Так вышло и на этот раз – Осипов и сам не заметил, как задремал перед монитором. Впрочем, самым страшным оказалось вовсе не это. В конце-то концов, что здесь особо криминального? Да ровным счетом ничего! Молодой человек переработал – и немного прикорнул в обед. С кем не бывает. Дело, как в старом мультике говорилось, житейское...

Главная же ошибка в жизни инженера Осипова заключалась в том, что он, перед тем как заснуть, не вышел из игры. И мощный линкор продолжал горделиво сиять энергетической броней с экрана монитора. И сиял до того самого момента, пока в кабинет не зашел начальник отдела Алексей Федорович. Начальник был совсем неплохим человеком. Местами даже и наоборот. В том смысле, что хорошим и добрым. Человеком. Но имелась в его характере одна крайне неприятная, особенно для молодых подчиненных, особенность. Алексей свет Федорович совершенно, ну прямо-таки абсолютно, до крайней степени нервного возбуждения, не переносил, когда его сотрудники занимались в служебное время всякими непотребствами в виде компьютерных игр! Если начальник застукивал подчиненных за игрой – гнев его был страшен. Ну, а наказание нерадивым лентяям, напрас-

но получающим зарплату и бессовестным образом объедающим забойщиков, заключалось в выполнении вышеуказанными лентяями всяческих неприятных обязанностей. Причем в течение достаточно длительных промежутков времени. Например, включая недельные ночные дежурства в забоях...

Короче говоря, от громоподобного рыка начальника Николай не только проснулся, но и вытянулся по стойке «смирно». Чисто инстинктивно, разумеется. Поскольку в армии Николай не служил ни дня, но на «ура» отработала генетическая программа, доставшаяся от предков. Которые, как гласили семейные предания, почти все тянули армейскую лямку на младших командных должностях. Пока тело проделывало молниеносную процедуру принятия вертикального положения, мозг инженера оценил обстановку и выдал короткую, но исчерпывающую аналитическую информацию: «Это капец».

И действительно. Это был он. Причем капец полный и всеобъемлющий. Идеальный капец, если так можно сказать. Такой, что хоть в Парижскую палату мер и весов как эталон помещай! Никто и придраться не сможет.

Окончательно проснувшийся Николай успешно делал вид, что внимательно слушает гневную речь Алексея Федоровича. На самом деле слово «речь» весьма условно отражало тот накал эмоций и прочих страстей, обильно перемешанных с нецензурными выражениями, что практически непре-

рывно исторгал разъяренный начальник. Словесный Ниагарский водопад еще минут пятнадцать обличительно ревел и накрывал пеной Осипова.

Закончился сей конец света местного значения тем, что Федорович в ультимативной форме приказал Николаю немедленно спускаться в очистной забой и провести внеочередной инструктаж смены по технике безопасности. Немного подумав, начальник добавил подозрительно участливым голосом:

– Как только закончишь, заодно проверь пломбы на метановых датчиках в забое. А то что-то они долго голоса не подают, – Алексей Федорович на пару секунд наморщил лоб и мстительно произнес: – А находятся датчики в пятьсот семнадцатой лаве семнадцатого очистного забоя пятого пласта.

Осипов мысленно взвыл. Высота забоя, куда посылало его начальство, не превышала семидесяти сантиметров. А это значит, несколько часов придется передвигаться исключительно на карачках! Ну, если ты, конечно, не гном. Но гномы, как известно, водятся только на страницах сказочных книг, так что придется терпеть. А что еще остается делать, коль так бездарно спалился?!

– Ну, все, иди уже, космический рейнджер! – почти нормальным тоном напутствовал штрафника Алексей Федорович. – А завтра с утра у меня на столе должен лежать полный отчет и заполненный журнал по ТБ. Все понятно?

– Все. Так я пошел?

– Конечно. В забое тебя уже ГРОЗы¹ заждались.

Обмахиваясь ладонью, Алексей Федорович неспешно прошествовал в свой кабинет. До начала совещания у «деда»² оставалось еще полтора часа.

Тщательно заперев на ключ дверь, Алексей Федорович включил компьютер и энергично потер руки. До семьдесят шестого уровня в «Веселой ферме» оставалось всего каких-то жалких полмиллиона очков опыта. А пока можно засадить поля рапсом. Или нет? Может, лучше пшеницей, ведь ее можно выгодно продать на рынке? Впрочем, сейчас посмотрим, что там вообще на рынке происходит.

И начальник отдела быстро защелкал клавишами мыши...

Крайне раздосадованный Николай быстрым шагом шел по коридору шахтоуправления, мысленно укоряя себя за досадную потерю бдительности, вылившуюся в столь неприятные последствия. Внезапно сбоку от Николая резко открылась дверь отдела снабжения, и из кабинета чинно вышла Светка, дама приятная во всех отношениях. Со Светкой Николай был знаком давно, даже несколько раз занимался с ней сексом, но до серьезных отношений дело не дошло.

– Коленка! – радостно защebetала девушка. – Ты-то мне и нужен! У меня в воскресенье день рождения! Надеюсь, ты придешь? Ты же не забыл? Нет?

И она кокетливо подмигнула Осипову.

¹ ГРОЗ – горнорабочий очистного забоя.

² Дед – начальник шахты (шахт. жарг.).

– Приду, приду, – буркнул Николай. – Вечером созвонимся, сейчас мне срочно в забой нужно. Начальство посылает по важному делу.

Светлана явно хотела еще что-то сказать, даже цепко ухватила Николая за манжет рубашки, но инженер решительно вырвался из обольстительного плена и быстро зашагал дальше по коридору.

Девушка еще немного постояла возле двери, провожая взглядом подтянутую фигуру инженера. Вспомнила несколько восхитительных ночей, проведенных с Николаем, а потом несколько минут оценивала шансы Осипова стать ее мужем. Они оказались очень высоки.

Не последнюю роль в этом деле сыграли зеленые глаза инженера и наличие у него серебристого автомобиля марки «Форд Фокус». Конечно, не нового, но всегда тщательно помытого и натертого до ослепительного блеска. А мама всегда говорит: «Автомобиль – отражение мужика».

Ко всему прочему Светлана точно знала, что Осипов не волочит за каждой юбкой и вообще относится к жизни достаточно серьезно и рассудительно. А что увлекается иногда всякой ерундой, наподобие рыбалки или компьютерных игр, так это дело поправимое. Мама сказала, что в случае чего быстро найдет способ окончательного решения всех этих пустяковых вопросов. Главное, чтобы мужик попался непьющий. Со всем остальным – справимся.

Света поправила волосы, закусила губу и задумчиво пока-

чала головой. Потом девушка решительно достала из сумочки телефон и набрала номер салона красоты. В это воскресенье многое должно решиться. Ведь кроме Николая она пригласила еще троих потенциальных претендентов на ее руку и сердце...

Не подозревая о нависшей над ним смертельной опасности в виде неожиданной женитьбы, Николай неспешно переоделся в раздевалке. Привычно проверил комплект само-спасателя и то, как работает лампочка в светильнике. И то, и другое оказалось в полном порядке. Пока ждал подъема клетки, Осипов лениво поболтал со стволовым³ о последних новостях и, поправив на голове каску, с глубоким вздохом отправился в забой.

Горнорабочий очистного забоя шестого разряда Андрей Шипулин знал и умел все, что положено знать по должностной инструкции. Погрузка, разгрузка, доставка материалов и оборудования, откатка груженных и подкатка порожних вагонеток в зоне забоя с помощью электровозов, лебедок или вручную давалась ему с легкостью. Управление погрузочными, погрузочно-доставочными машинами, перегружателями, гидромониторами, скреперными лебедками, установками по нагнетанию в пласт воды и специальных растворов шло уже не так бодро, но достаточно весело. Но особенно любил Андрей проходить горные выработки с применением отбойных молотков. Или, говоря по-простому, «рубать уго-

³ Стволовой – рабочий, управляющий спусковым механизмом в шахте.

лек вручную». Вот и сейчас Шипулин с наслаждением всаживал пику пневмоотбойника в пласт, и уголь после секундного сопротивления лился черной рекой под ноги проходчика, красиво переливаясь на гранях в свете фонаря.

Андрей любил свою работу. Вернее, даже не работу, а то, что она очень хорошо оплачивается. А это давало возможность проходчику чувствовать себя полноценным человеком и напрочь отваживало от выпивки. По неизвестной причине в Гуково полностью отсутствовали оперные театры и прочие балетные строения. Поэтому местная молодежь, вместо того, чтобы предаваться сладостному созерцанию па-де-де из оперы «Лебединое озеро», по вечерам собиралась на руинах детских площадок и там неуклонно повышала культуру потребления крепких спиртных напитков. После чего молодым людям требовалось немедленно найти подходящих собеседников и доказать им с помощью ударов кулаком по лицу всю неправоту их поведения. Естественно, такие коллеги по дискуссии немедленно находились, и зачастую только вмешательство полиции прекращало жаркие диспуты гуковской молодежи.

Шипулин раньше тоже не отставал от остальных ребят в этом деле. Но после службы в армии немного остепенился. А когда устроился на работу, то вообще прекратил посещение дискуссионных площадок в качестве спорщика. Но по просьбе соседей иногда выходил ночами во двор и, не дожидаясь приезда полицейского «уазика», прекращал незамысловатые

развлечения подрастающего поколения. Закончилось все это тем, что участковый при встрече первым протягивал руку и называл Шипулина исключительно по имени-отчеству. А во дворе поставили новые качели, две горки и большую песочницу, окруженную низенькими лавочками. Правда, теперь проходчику не с кем стало подражаться, и от этого он испытывал определенный дискомфорт. Впрочем, все неприятные ощущения быстро отступают на задний план, если с головой погрузиться в работу.

Сейчас же Шипулин погрузился в работу почти по шею. И до желанного результата ему оставалось совсем чуть-чуть. За шумом пневмоотбойника Андрей не заметил, как сзади к нему подобрался бригадир. Похлопав Шипулина по плечу, бугор взмахнул рукой:

– Ты это, «малыша»⁴ отложи на пару минут. Разговор есть, – бригадир протер ладонью лоб, опустил на корточки и дернул проходчика за штанину. – Присядь, Шип.

Воткнув пику «малыша» в кучу угля, Андрей примостился рядом с бригадиром.

– Случилось что, Степан Сергеевич?

– Случилось, – недовольно буркнул тот. – Тут дело такое, в забой «чужой»⁵ из отдела ТБ лезет. Стволовой только что отзвонился.

⁴ «Малыш» – пневматический отбойный молоток (шахт. жарг.).

⁵ «Чужой» – сотрудник отдела охраны труда, техники безопасности (шахт. жарг.).

Шипулин смачно, со знанием дела выматерился. Сергеевич немедленно его поддержал. Дважды причем. После непродолжительного молчания мужчины обменялись многозначительными взглядами.

– Сперва он нам свои песни споет, ну а потом... – бригадир снова выругался. – А потом полезет датчики проверять.

Шипулин понимающе закивал.

– А они же все на минимум накручены!

– Ага. Причем все до одного. Значит, надо сделать, чтобы я успел их по норме настроить.

– А успеешь?

– С твоей помощью успею, – Степан привычно закашлялся. – Значит так, Шип. Ты самый дальний в лаве, к тебе «чужой» позже всех приползет. Мне надо не меньше часа на счетчики. Ты что хочешь, то и делай, но тридцать минут «чужой» должен провести рядом с тобой.

– Понял, Сергеевич, понял. Сделаю. Если что, отмажешь?

Бригадир одобрительно посмотрел на Шипулина:

– Отмажу. Но не переусердствуй. Все должно обойтись без особого членовредительства. Но это уже так, самый крайний случай.

Андрей легонько похлопал по ручке отбойного молотка:

– Ты же знаешь, инженеришки из шахтоуправления вечно не к месту лезут под породу. Некоторых даже по пояс заваливает. Пока откопаешь, как раз минут тридцать и пройдет.

Степан Сергеевич отрывисто засмеялся, довольно ткнул

Шипулина кулаком в живот:

– Вот и договорились. С меня, естественно, магарыч. Не чужие, чай, сочтемся.

Николай Осипов, проклиная все на свете компьютерные игры, пробирался к последнему ГРОЗу забоя. Нестерпимо болели стертые об пол с непривычки колени, ныла спина. На зубах мерзко скрипела угольная пыль. Николаю даже начало казаться, что он никогда не доберется до рабочего и вечно будет ползать в полутьме. Но нет, вот показался луч света, и инженер услышал шум работы отбойного молотка. Практически из последних сил Николай подполз к ГРОЗу и обессиленно привалился спиной к стене. Несколько секунд разглядывал худого и жилистого проходчика. Потом натужно улыбнулся и произнес официальным тоном:

– Здравствуйте, я инженер участка ВТБ Осипов. А вы Андрей Викторович Шипулин, ГРОЗ шестого разряда?

Рабочий снял с лица респиратор, аккуратно отложил в сторону отбойный молоток:

– Да, это я.

– Отлично. Сейчас я с вами проведу...

Больше ничего Осипов сказать не успел. Под ногами ощутимо дрогнуло, раздался низкий гул, и воздух вокруг Николая вдруг превратился в огонь. Несколько секунд – секунд ли?! – инженер еще слышал дикий мат проходчика, а потом всеобъемлющая боль полностью заполонила сознание. А еще через пару мгновений на людей рухнула кровля забоя,

и наступила темнота. Темнота и тишина. Николай немного полежал на спине, аккуратно пошевелил руками, затем несколько раз вытянул ноги. Все получилось без каких-либо проблем. Странное дело, но боли он больше не чувствовал. Абсолютно. Вообще ничего не болело...

Где-то рядом раздался негромкий вздох, приправленный парочкой сдавленных ругательств.

– Ты здесь? Живой? – громко крикнул Николай во тьму.

– Живой. Вот только не видно ни хера, – голос проходчика ощутимо дрожал. – Что случилось? Где мы?

Осипов приподнялся на локтях, вытянул руку вверх. К огромному удивлению, рука не встретила никакого сопротивления – над головой оказалось пустое пространство. Что за ерунда? Как такое может быть? Ведь Николай видел собственными глазами, как на него обрушились десятки, а может быть, и сотни тонн породы?!

– Что молчишь? – снова раздался в темноте голос Шипулина. – Язык проглотил?

– Нет, язык на месте. Слушай, Андрей, пошарь вокруг себя руками и скажи мне, что чувствуешь, а то я сам себе поверить не могу.

Слева раздалась негромкая возня и следом – негромкий удар.

– Вот блин! Ногу об «малыша» ударил, – раздосадованно отозвался Шипулин. – Подберу его на всякий случай... А пол вокруг меня гладкий и скользкий. Что-то я не пойму...

Где-то сзади раздался скрип давно не смазанных дверных петель, и приятный, вовсе не слепящий глаза свет заполнил пространство вокруг людей. Стало видно, что Николай находится посередине большой... нет, пожалуй, огромной даже комнаты площадью не менее ста квадратных метров. Пол затейливо выложен паркетом. Стены... А вот со стенами все обстояло не так просто. На первый взгляд стены как стены – ровные, обклеенные обычной рогожкой, практически такой же, как в офисе шахтоуправления. Но Осипов отчетливо видел, как за непрозрачными стенами просвечивает порода вперемешку с углем. словно комната образовалась прямо в разрушенном взрывом забое. Чудеса, ага...

– Здравствуйте, уважаемые, – мягкий негромкий голос, явно принадлежавший пожилому человеку, выдернул Николая из состояния ступора, в которое он попал, разглядывая комнату. – Ну-с, давайте знакомиться, что ли?

Осипов судорожно сглотнул. Посередине комнаты стоял большой дубовый стол с резными ножками, на поверхности которого аккуратно располагались всяческие канцелярские принадлежности. А за самим столом сидел невысокий, лысоватый дедок лет семидесяти, совершенно безобидной внешности, одетый в старомодный пиджак. Примерно такие пиджаки Николай видел в старых довоенных фильмах. Тех самых, что еще черно-белые и не шибко популярные в нынешнее время ввиду того, что сняты в эпоху властвования «кровавой гэбни» и прочей тирании.

Но больше всего Николая поразило даже не то, что стол внезапно появился из ничего, а то, что на пиджаке у старика, чуть ниже правого локтя, выделялась заплатка весьма приличных размеров.

– Вы присаживайтесь, господа, не стесняйтесь, – старик жестом указал на два стула, возникших рядом со столом. – Нам необходимо провести кое-какие регламентированные действия.

Сделав три шага по направлению к столу, Шипулин, так и не выпустивший из рук свой отбойный молоток, внезапно остановился, оглянулся на инженера и с подозрением произнес, обращаясь к старику:

– А вы, собственно, кто? И что тут вообще происходит?

Дедок с готовностью отозвался – будто ждал подобного вопроса:

– Зовут меня Нагибин Павел Анисимович. Я ответственный за ваше оформление, если по-простому говорить, – старик достал из кармана пиджака большой клетчатый платок, неспешно протер стекла очков. – А происходит сейчас процесс, так сказать, самого оформления...

С крайне нехорошими предчувствиями Осипов невежливо прервал собеседника:

– Процесс оформления чего?

Ни капли не смущенный Павел Анисимович с готовностью отозвался:

– Процесс оформления вашей смерти, господа. А как вы

хотели? У нас все строго. Не шарашкина контора какая-нибудь, не очередное «МММ». Все на самом серьезном уровне, как оно и положено.

В висках у Николая внезапно часто-часто застучало, перед глазами возникла пелена, а звуки потеряли четкость.

Очнулся Осипов от крайне отвратительного запаха нашта-тыря.

– Ну, что же вы, голубчик! Так нельзя. Вы же не кисейная барышня, что же вы, право слово, здесь устраиваете, – старик явно был раздосадован. – Вот берите пример с вашего коллеги. Сидит человек спокойно, документы изучает.

Николай скосил глаза на Шипулина. Дед явно преувеличивал насчет его спокойствия. Проходчик сидел на стуле, так вцепившись руками в свой отбойный молоток, что побелели костяшки пальцев на обеих руках. Ну, а «изучение документов» Андреем заключалось лишь в том, что он, почти не мигая, неподвижно смотрел на стол, где сиротливо лежал листок белой бумаги, едва ли на четверть заполненный текстом.

Только сейчас инженер вдруг заметил, что проходчик одет в привычную рабочую одежду, на бедре белеет бачок самоспасателя, а на голове сияет светильником каска. Причем и спецодежда, и средства индивидуальной защиты выглядели абсолютно новыми, словно минут десять как сошли с конвейера завода. А вот отбойный молоток остался таким, каким и был – даже на куске пневмошланга, безвольно лежащего

под ногами Андрея, отчетливо выделялись неглубокие царапины и следы вездесущей угольной пыли. Сам же Осипов щеголял в своей розовой офисной рубашке, а вместо брюк, к крайнему удивлению Николая, неожиданно обнаружились старые потертые шорты, которые он самолично выбросил года два назад в мусорное ведро недорогого египетского отеля.

– Ну, как, голубчик, полегчало? – раздался голос старика, и Павел Анисимович снова попытался подсунуть ватку с нашатырем к носу инженера.

Все происходящее с Осиповым являлось настолько странным, что ничем, кроме бреда, быть не могло. Впрочем, Николай прекрасно помнил и взрыв метана, и обрушение породы. Увы, но оба этих факта никак не удавалось вычеркнуть из реальности. А значит, получается, что сейчас Осипов умирает в забое и наслаждается в полной мере предсмертными видениями, порожденными умирающим от недостатка кислорода (или еще чего) мозга. Сердце инженера часто застучало, лоб покрылся испариной. Что, если он в самом деле уже умер и все происходящее вокруг и является началом «того света»?! Совершенно не такого, каким он его представлял. Да и не только он.

Отстранив резко пахнувшую ватку, Осипов с силой провел ладонями по шевелюре, глубоко вздохнул – и обратился к старику:

– Вы знаете, я только сейчас как-то осознал ситуацию... Ну, вы понимаете меня... Понимаете?

Павел Анисимович посмотрел прямо в лицо Николаю и несколько раз медленно кивнул. И Николай увидел, что у старика умные и одновременно добрые глаза. Такие глаза бывают только у древних дедов, когда они смотрят на своих резвящихся в песочнице правнуков. Нервное напряжение, держащее Осипова, словно в раскаленных тисках, начало постепенно ослабевать.

– Я вот что хочу сказать. Все как-то запредельно странно, но в то же время удивительно обыденно... – Николай нервно закашлялся, снова взъерошил шевелюру и вопросительно посмотрел на старика.

– Ничего удивительного в этом нет, голубчик. Вы же знаете такой термин: «адаптация»? Вижу – знаете. Вот с вами это как раз и происходит. Тело человека весьма непростая конструкция, мозг и вовсе запредельно сложно устроен. А уж разум человеческий, тот вообще... – Павел Анисимович обреченно взмахнул рукой и горестно покачал головой. – Штука практически фантастическая. Не всякий академик и разберется. Ну, а если говорить о душе, то никакого времени на объяснения не хватит. Поэтому и нужна адаптация. Чтобы не получилось, так сказать, ненужных осложнений в процессе перехода.

Немного подумав, Николай все же решился задать мучающий его с самого момента знакомства со стариком вопрос:

– А вы кем были, Павел Анисимович, до того, как сюда попали? Наверно, в не малых чинах ходили? Случайно са-

ми-то не из академиков?

Оформитель смущенно заулыбался:

– Да какие там чины! Обычный я человек, до самой смерти на стеклодувной фабрике учетчиком товара работал.

До этого совершенно не вмешивающийся в разговор Шипулин внезапно вскочил на ноги и скороговоркой выпалил:

– Вы это, послушайте! Кто еще из наших здесь оказался? Кто еще погиб?

Лицо старика приобрело до крайности неприятное выражение. Он набычился, словно депутат Госдумы, к которому пришла делегация из детского дома просить денег на ремонт системы отопления.

– Это пока, гм, закрытая для вас информация, господа. Подождите. Всему свое время, – Павел Анисимович легонько постучал ладонью по столешнице. – И давайте, наконец, приступим к процессу, гм, оформления.

Старик протянул Осипову лист бумаги:

– Внимательно ознакомьтесь и, если сведения указаны верно, распишитесь. Здесь и здесь, – дедок ногтем подчеркнул, где именно необходимо поставить подпись.

Николай машинально взял листок в руки и впился глазами в текст.

Осипов Николай Владимирович. Человек разумный. Национальность – русский. Дата рождения, дата смерти.

Инженер нервно сглотнул и с трудом продолжил чтение. Дальше шла краткая автобиография. Очень краткая, бук-

важно в три строки. Дата окончания института, с указанием специальности. Время поступления на работу. Напротив графы «семейное положение» – прочерк. В графе «служба в армии» – прочерк. В графе «судимости» – прочерк. Под текстом – место для подписей.

Николай тяжело вздохнул. Негусто, совсем негусто. Как говорится, «вот и все об этом человеке». Мда... И самое любопытное, что в документе нет ни малейшего упоминания о религии. Интересно, с чем это связано? И связано ли вообще? Осипов не мог понять, радует его сей факт или огорчает. С одной стороны, при жизни Николай не отличался особой религиозностью, но с другой стороны, и особых грехов Осипов за собой не числил.

Николай аккуратно поставил подписи, положил лист бумаги на стол, помассировал кончиками пальцев виски и обратился к Павлу Анисимовичу:

– Скажите, уважаемый, это что ж получается – все, что мировые религии говорили нам о загробной жизни, полная ерунда? И нет никакого ада и рая?

Старик внимательно, поверх стекол очков посмотрел на Осипова:

– А с чего это вы, голубчик, так решили? Неужели думаете, что человечество на протяжении всей своей истории могло так жестоко заблуждаться?! Конечно же, это не так. И рай, и ад существуют. Это безусловный факт. И вы, господа, в самом ближайшем времени в этом убедитесь.

Осипов похолодел. То, что сейчас мягким тоном произнес старик, в принципе не являлось каким-либо запредельным откровением. Но одно дело, когда об этом вещают священники с экрана телевизора. И совсем другое, когда вот так спокойно говорит странный дедок в невозможной комнате, находящейся в развороченном взрывом забое.

– Ну, а нас куда определять будете? – вмешался в разговор Шипулин, до этого момента абсолютно неподвижно сидевший на стуле. – Говорите уж как есть, не томите...

– А вот это не я решаю, господа. Это совершенно не моя компетенция! – Павел Анисимович взял со стола подписанные анкеты, с важным видом положил их в картонную папку. – Садитесь поудобнее, немного времени у нас еще есть. Сейчас я вам все подробно объясню. Во-первых, должен сказать, что...

Тяжелый топот сапог, невнятные крики и густой мат прервали так и не начавшуюся речь старика. Где-то совсем рядом отчетливо раздался сочный мужской голос:

– Да вот же она, прямо перед носом! Да не ломай ты ее! Открыто.

Осипов с Шипулиным ошарашенно и заинтересованно завертели головами. Впрочем, скорее заинтересованно, нежели, собственно, ошарашенно. Николаю действительно стало интересно, что же еще удивительное готовит сегодняшний день. Хотя казалось бы, куда еще удивительней? Дальше вроде уже и некуда.

Снова раздался уже знакомый скрип двери, и в комнату, оглядываясь по сторонам, вошли двое мужчин. Следом за ними, пропустив перед собой молодую женщину, зашли еще двое. Жутко заинтересованный Николай повернулся к старику, чтобы задать пару вопросов о происходящем, но, увидев, в каком состоянии находится Павел Анисимович, буквально оторопел. На старика было страшно смотреть – дедок как-то весь скособочился, глаза выпучились, рот перекосился. Оформитель бочком выскользнул из-за стола, попытался сделать несколько шагов по направлению к женщине, но не смог. Опустился на одно колено, приложил руку к груди и, часто прерываясь, глотая окончания слов, торопливо произнес:

– Госпожа... чем обяз... такая честь... или что случилось...
Женщина взмахом руки прервала говорящего:

– Павел Анисимович, сядьте, пожалуйста, на свое место.
И успокойтесь, к вам никаких претензий нет.

Старик так же бочком протиснулся к столу, плюхнулся на стул. Николай отчетливо видел, как по-настоящему потрясен старик. Что же происходит? Явно что-то идет не так, как положено, но вот что? Впрочем, сейчас все разъяснится.

Разъяснения начались немедленно и бесповоротно. Один из мужчин, выше остальных чуть ли не на голову, отрывисто начал распоряжаться:

– Встать. Подойти ко мне. Без моего разрешения не шевелиться, вопросов не задавать. Стоять неподвижно.

Осипову и в голову не пришло послушаться приказа, настолько властным голосом оказался отдан приказ. Да и по правде сказать, инженер и при жизни не стал бы перечить такому громиле. Ну, а сейчас – и подавно...

Николай с Андреем одновременно шагнули на середину комнаты, замерев, словно каменные изваяния. Инженер на всякий случай даже дышал намного реже, чем обычно. Шипулин же все никак не мог расстаться с отбойным молотком. Так и стоял, держа его в правой руке. Впрочем, на это никто, кроме Николая, не обращал внимания.

Женщина пристально рассматривала людей, попеременно переводя взгляд с одного на другого. Николай, в свою очередь, глазел на вновь прибывших. Ведь смотреть ему не запрещалось, чем он моментально и воспользовался.

Мужчины все, как один, ему крайне не понравились. И чересчур самоуверенным поведением, и чрезмерно, на взгляд инженера, развитой мускулатурой. Даже то, что все они были одеты в дорогие костюмы черного цвета, раздражало Осипова. А вот женщина... Женщина была красива. Ослепительно красива. Таких тотально, абсолютно красивых женщин Николай за всю свою жизнь не видел. И это несмотря на наличие у него дома компьютера с безлимитным Интернетом. Подобных женщин на Земле не было, да и быть не могло. У Николая слегка закружилась голова, и он от греха подальше уткнул взгляд в пол, начав внимательнейшим образом рассматривать затейливый рисунок паркета.

Так как никто не представился Осипову, то для себя он решил, что женщину будет называть Ослепительная. Ведь как-то же надо ее называть? Конечно, не вслух, а исключительно мысленно. Для сугубо внутреннего потребления.

Около минуты в комнате стояла полная тишина. Наконец, женщина слегка вздохнула и тихо произнесла:

– Константин, что скажешь? Твое мнение?

К удивлению Осипова, Константином оказался не громила с генеральским голосом, а невысокий мужчина средних лет, с большим прямым носом и сильно выдающейся вперед тяжелой челюстью.

– Они не справятся, Госпожа, – мгновенно отозвался носатый. – Я не вижу ни малейшего шанса.

– Ты, как всегда, прав. – Ослепительная снова вздохнула, еще раз оглядела Осипова с головы до ног и раздраженно покачала головой. – Но выбора у нас нет. Или эти двое, или никто.

Стоявший слева от невозможно красивой незнакомки третий мужчина почтительно наклонился и что-то тихо прошептал ей на ухо. Ослепительная понимающе улыбнулась и повернула голову к Константину:

– А если не двое, а трое?

Носатый пару раз тыльной стороной ладони потер лоб и с явным облегчением ответил:

– Если так, то смело могу утверждать, что шансы на успех велики, Госпожа. Не менее десяти процентов.

– Отлично! Вот с такими цифрами можно работать! – оживилась женщина и обратилась к четвертому мужчине из своей свиты. – Бен, разъясни людям ситуацию. Как закончишь, приведи их на Край. Всех троих.

Резко повернувшись, Ослепительная быстрым шагом вышла из комнаты. Два ее спутника еле успели перед ней проскочить в дверь. Последним удалился Константин, на прощание скептически осмотрел дверной проем и пробормотал что-то насчет необходимости замены петель.

– Павел Анисимович, прошу вас подойти к людям и стать рядом с...э-э... господином Осиповым, – голос Бена звучал ровно, но Николай отчетливо уловил, с каким пренебрежением произнес его фамилию четвертый мужчина свиты Ослепительной. – Хорошо. Теперь послушайте меня. Молча. Это не займет много времени.

Бен ненадолго замолчал, резко тряхнул головой и все тем же спокойным голосом начал говорить:

– Возникла серьезная проблема, причем возникла неожиданно и не по нашей вине. Мы сами узнали о ней буквально несколько часов назад. Проблема решается, и решать ее придется вам, – увидев, что Осипов открыл рот, явно намереваясь задать вопрос, Бен нахмурился, всем своим видом показывая, что никаких вопросов сейчас задавать не нужно. – Так как вы по объективным причинам не успели получить от Павла Анисимовича необходимый минимум информации, то мне сейчас придется быстро ввести вас в курс де-

ла. В нашем, да и не только нашем мире существуют определенные незыблемые законы, над которыми не властны даже мы. И существуют законы, которые мы можем – в случае крайней необходимости – немного подкорректировать.

Бен неожиданно прервал свою речь, подошел к столу, налил в высокий стеклянный стакан воды из большого пузатого графина. Осипов точно видел, что до этого момента никакого графина на столе не стояло. Впрочем, так же как и стакана. Напившись, Бен продолжил:

– В вашем случае мы скорректировали, а где и прямо нарушили все законы, подвластные нашему вмешательству. Поэтому спрашивать меня, отчего именно вы будете решать проблему, не нужно. Ответ и так понятен. Потому, что по-другому просто невозможно, – Бен заложил руки за спину и начал нервно прохаживаться перед неподвижно застывшими людьми. – Вдвоем вы не справитесь, потому было принято решение отправить вместе с вами нашего уважаемого сотрудника Павла Анисимовича Нагибина.

При этих словах старик издал непередаваемый гортанный звук и дернулся всем телом. На лице оформителя отчетливо читалась ожесточенная борьба служебного долга с субординацией и прочей дисциплиной. После тяжелых и кровопролитных боев победил долг. Дедок на негнущихся ногах сделал шаг вперед и с большим трудом произнес:

– Прошу прощения, господин Бенвенуто, но это решительно невозможно! Это недопустимое нарушение всего ре-

гламента оформления! Это неслыханно!

Бен, оказавшийся на самом деле не американцем, как до этого времени думал Николай, а каким-то непонятным французом, примиряюще поднял обе руки:

– Павел Анисимович! Ну, как вы могли подумать о нарушении! Все в порядке, можете сами убедиться.

Несмотря на почтенный возраст, «уважаемый сотрудник» пулей метнулся к столу и так дернул за ручку выдвижного ящика, что все его содержимое мгновенно вылетело на паркет. Дрожащими руками старик схватил толстенную книгу в синем переплете и, громко пыхтя, лихорадочно зашелестел страницами. Найдя, по-видимому, нужный раздел, он около минуты водил взглядом по строчкам, причмокивая при этом губами. Закончив читать, дедок положил книгу на стол и с трудом поднялся на ноги:

– Прошу прощения, господин Бенвенуто. Виноват, сильно погорячился. В свое оправдание могу только сказать, что изменения в регламент внесены полторы минуты назад. И касаются они только меня лично.

Бенвенуто милостиво улыбнулся Нагибину и продолжил свою речь. На этот раз француз с ходу начал рассказывать о каких-то непонятных блоках для сборки различных миров, о невидимых связующих нитях между мирами и еще более таинственных якорях, которые играют огромную роль для мироздания в частности и Вселенной в общем. Для чего это он все рассказывал, Николай, откровенно говоря, так и не по-

нял. Через пару минут Осипов и вовсе потерял нить рассказа и улавливал лишь отдельные знакомые слова и изредка – целые предложения.

Вдруг Бенвенуто оборвал свою речь на полуслове, приложил левую руку к уху и неподвижно уставился в одну точку.

– Да, Госпожа. Нет, Госпожа. Да, понял. Выполняю, – Бенвенуто опустил руку, ошарашенно посмотрел на людей. – Нам немедленно нужно прибыть на Край. Возникли непредвиденные осложнения. За мной, бегом!

И француз, подхватив под руки Осипова с Шипулиным, ринулся к двери. За ней обнаружился небольшой холл с раскидистыми фикусами в покрашенных лаком кадках. Далее следовал длиннющий коридор с постеленной на полу красной ковровой дорожкой.

– Вперед! Держаться рядом со мной! – на бегу прокричал Бенвенуто, обернулся назад и рывкнул на оставшего Павла Анисимовича. – Ты что там копаешься? Быстрей!

– Я личные дела в сейф положил. По-другому никак! – отозвался подозрительно бодрым голосом дедок. Словно это не он совершал спринтерский забег по зданию, а как минимум кандидат в мастера спорта по легкой атлетике. – Сейчас догоню вас.

И почтенный старик так припустил по коридору, что обогнал всех остальных и первым выскочил из здания.

События дальнейших нескольких минут Осипов помнил урывками. Перед глазами мелькали незнакомые лица, со

всех сторон раздавались встревоженные крики, по ушам постоянно молотил дикий рев француза: «Вперед! Вперед!» Когда Николай понял, что больше не сможет сделать ни одного шага и просто рухнет, как мешок с картошкой, на землю, Бенвенуто резко остановился.

Инженер со всего разбега врезался ему в спину и со слабыми проклятиями свалился на мягкую траву. Через секунду на него упал забойщик, как оказалось, обладавший весьма приличным весом. А в довершение всех бед по спине Николая пробежал Павел Анисимович. Единственным утешением в данной ситуации для Осипова остались вежливые извинения старика. Впрочем, весьма формальные. Инженер закрыл глаза и обхватил голову руками.

«Пусть что хотят, то и делают, я больше никуда идти не намерен, – отстраненно размышлял он. – Мне надо чуток полежать, успокоиться. Хоть немного в себя прийти. А то так и с ума сойти недолго».

Слишком много всего навалилось на него за сегодняшней день. Даже собственная смерть начала представляться Николаю – на фоне последовавших за ней событий – весьма рутинным мероприятием, не заслуживающим особого внимания.

Но отдохнуть Осипову не дали. Чьи-то сильные руки подхватили его с земли и куда-то потащили. Тот факт, что по пути его пару раз уронили, совершенно не прибавил оптимизма. Несли Николая совсем недолго и по прибытии на ме-

сто весьма невежливо поставили на ноги.

Осмотревшись по сторонам, инженер сразу понял, что оказался он именно на Краю, а не в каком-либо ином месте. Так как ничем, кроме Края, данная местность быть не могла. Сзади Николая находился обычный земной пейзаж – небольшой поросший кустарником холм, с которого спускалась еле накатанная грунтовая дорога. Под ногами путается высокая трава, на уровне лица летает мошкара.

А вот впереди...

Впереди ничего не было.

Вообще ничего, просто пустота.

Николай несколько секунд пристально всматривался в эту «просто пустоту». Он почему-то был полностью уверен, что в глубине этого самого «отсутствия чего-либо» обязательно будут сверкать яркими бриллиантами звезды. Но нет. Ни малейшей искорки там не наблюдалось. Облом...

– Идите за мной, – властный голос Бенвенуто хлестнул по нервам Осипова, словно кнут. – Не отставайте.

И француз смело шагнул в пустоту. Следом за ним засеменил Нагибин, с большим интересом глазевший по сторонам. На плечо Николая легла широкая ладонь проходчика.

– Пошли, инженер, – с усмешкой сказал Андрей и легонько подтолкнул того вперед. – Не стоит заставлять людей ждать. Я тут парой фраз с Анисимовичем перебросился, говорит, дело очень серьезное. Такого шухера, говорит, никогда не было.

И Шипулин, лихо закинув на плечо отбойный молоток, зашагал вслед за Николаем. При этом проходчик по-дружески указывал направление движения при помощи несильных, но весьма неприятных тычков в спину. Шли совсем не долго, буквально через пару десятков шагов оказались на небольшой, ярко освещенной солнечным светом площади. Под ногами приятно поблескивала недавно смоченная дождем брусчатка. В центре площади метрах в пяти друг напротив друга расположились две живописные группы.

Ослепительную со свитой не узнать было невозможно.

А вот вторая группа представляла собой весьма необычное зрелище.

Возглавляла ее белобрысая девчонка возрастом не более десяти лет. По бокам неподвижно замерли два свирепого вида охранника в каких-то совершенно невообразимых одеяниях. Дикая смесь раскрашенных в яркие цвета мехов и доспехов резала глаза. Чуть сзади девочки, нелепо поджав под себя когтистые лапы, восседала рептилия, весьма похожая на прославленного в фильме «Парк Юрского периода» хищного динозавра. Велоцераптора, что ли? Поскольку на тираннозавра тварь размерами явно не тянула. Вокруг рептилии медленно двигалось черное пятно. То ли что-то не в порядке с освещением на площади, то ли кто-то очень не хочет, чтобы на него падал солнечный свет.

Девочка с удивительно злым выражением лица, по всей видимости, уже давно беседовала с Ослепительной. Она

яростно сжимала кулачки и, смотря прямо в глаза Ослепительной, упорно мотала головой из стороны в сторону:

– Нет. Этого я делать не буду. Если у вас Старшие принимают участие в дешевых ярмарочных балаганах, то это ваше дело. Я в подобные игры не играю!

– Дешевый балаган – это не звуковые и визуальные эффекты при начале аварийной коррекции реальности, а по преступной халатности проигнорированные сигналы опасности от главного якоря! – явно разгневанная Ослепительная уже не сдерживала эмоции, тяжело дыша, рубила ладонью воздух перед собой.

– И если надо для дела, то ты обваляешься в драконьем дерьме и обсыплешься перьями. И в таком виде будешь ходить до конца мира!

Лицо девочки приняло совсем уж неприятное выражение. А глаза мгновенно запылали ослепительно-зеленым светом. Она сделала было шаг вперед, но молниеносно прыгнувший вперед динозавр заслонил ребенка своим телом и что-то негромко сказал, почти пропел на незнакомом языке. Удивительное дело, но язык этот поразил своей мелодичностью Осипова до глубины души. Надо же! Такое отвратительное создание, ему бы рычать или, на худой конец, матом ругаться, а нет. Говорит словно серебряные колокольчики в весеннем лесу звенят. Что-то Спилберг с кинофильмом перемудрил, сто пудов, перемудрил...

Девочка остановилась, черты ее лица смягчились, зеленое

сияние глаз исчезло. Несколько раз глубоко вздохнув, она произнесла почти спокойным голосом:

– Хорошо, Старшая. Я соглашаюсь. Мы договорились.

Чуть улыбнувшись уголками губ, но не зло, а удивительно по-доброму, Ослепительная с достоинством кивнула маленькой собеседнице:

– Я не сомневалась, что ты примешь правильное решение, Старшая. Я тоже соглашаюсь. Мы договорились, – и, повернувшись к Константину, коротко бросила: – Начинаем.

– Тридцать! – сочный голос Константина громыхнул на всю площадь. И через секунду: – Двадцать девять!

Рядом с Николаем тихонько охнул Павел Анисимович, тяжело задышал Шипулин. Осипов наклонился к старику и тихонько спросил:

– А что делать-то надо? А то все бегаем, бегаем, как породой придавленные, а никто ничего не объясняет.

Несколько озадаченный оформитель так же тихо ответил:

– Не знаю. Но думаю, сейчас все разъяснится.

– Двадцать два! – Константин выкрикивал цифры даже с некоторой торжественностью. – Двадцать один!

Тяжело переложив отбойный молоток с плеча на плечо, к разговору подключился Шипулин:

– Слушайте, я так понял, что нас куда-то отправляют в другой мир, где Старшая – вон та пигалица с зелеными глазами, – проходчик бросил короткий взгляд на уже совершенно успокоившуюся девочку. – Якорь у них там хитрый, то ли

сломался, то ли вот-вот сломается.

– Ага, – согласно закивал Нагибин. – Это и я понял. Якорь – штука важная, и последствия его поломки будут просто катастрофические. Если не сказать хуже. Вот только странно, что никто нам никаких инструкций не дает. На Старшую это не похоже. Может, она нас таким образом еще раз проверить хочет?

– Двенадцать!

– Слушайте, мужики, – заметно нервничающий проходчик тяжело вздохнул и сплюнул себе под ноги. – Сдается мне, что-то здесь нечисто. Ну не могут аварийную спасательную команду вот так просто взять и отправить в неизвестность! Куда идти, кого спасать? И главное, как?

Павел Анисимович замахал руками:

– Нет, нет! Не стоит сейчас прерывать процесс. Мало ли что может произойти в таком случае! Хотя я сам, честно сказать, пребываю в некотором недоумении.

– Семь!

– Вы как знаете, но я все же спрошу, – Шипулин набрал в легкие побольше воздуха и крикнул во все горло: – Слушайте! Вы бы хоть объяснили, что нам делать!

– Пять... – рывкнул Константин – и внезапно осекся.

Ослепительная медленно повернула голову и впиалась взглядом в проходчика. То, что последовало за этим, невозможно передать словами. Кричать начали все одновременно. Причем каждый старался перекричать другого, в результате

чего на площади возник такой рев, что поднялся весьма приличный ветер. А барабанные перепонки Осипова ощутимо завибрировали. Естественно, ни одного слова разобрать не удалось. Рев прекратился так же внезапно, как и возник.

– Три! – хриплый голос Константина заметно дрожал, что, похоже, крайне удивляло даже его самого.

– Вы попадете в тела трех руководителей одного родоплеменного образования. Вам необходимо сделать, чтобы в течение тридцати пяти лет территория, которую сейчас занимает этот род, оказалась неприкосновенной для иных других родов, вне зависимости от их национальной или расовой принадлежности. – Ослепительная говорила крайне быстро, но, несмотря на это, все ее слова были понятны.

Как ни странно, но инженер даже осознал, что она от них требует.

– Один!

– Когда найдете якорь, вам необходимо максимально обезопасить его от любых внешних воздействий. Якорь вы сразу узнаете. Через тридцать пять лет он перейдет в нематериальное состояние, и ваша миссия окончится. Вопросы?

Вопросов у Осипова, естественно, накопилось выше крыши. Но задать их он не успел.

– Ноль! – отчаянно проорал Константин, и мир вокруг Николая исчез.

Второй раз за день.

Глава первая

На площади, заполненной народом едва ли на четверть, стоял радостный гомон. Громко стучали барабаны, иногда даже на некоторое время перекрывая шум толпы. В центре отлично освещенной по случаю праздника Первого Горна площади прямо перед воротами в королевский замок возвышался украшенный разноцветной тканью помост. На нем стояли несколько кресел, обшитых дорогой материей. Трон короля выделялся среди них не только большими размерами и тонкой резьбой на подлокотниках, но и ярко-красной обивкой, явно эльфийской выделки. Вокруг помоста выстроились воины, их доспехи под лучами светильников отбрасывали яркие блики. Боевые топоры неподвижно лежали на широких плечах.

Ворота замка почти без скрипа отворились, и на помост степенно начала подниматься небольшая группа придворных во главе с королем. Чуть сзади шествовали трое Хозяев Замков со своей свитой.

Толпа на мгновение смолкла и тут же разразилась пронзительными криками:

– Идут! Идут!

Как всегда в таких случаях, особенно неистовствовали Младшие. Выстроившись в раз и навсегда заведенном порядке, младшие артели по команде самых уважаемых уче-

ников подняли такой ор, что наставники немедленно начали раздавать подзатыльники, урезонивая таким образом особо буйствующих.

С улыбкой во весь рот за этим действием с неподдельным интересом наблюдал молодой гном Ранбарт, плотно сжатый толпой со всех сторон. Еще в прошлом году он стоял там, в бушующем водовороте Младших, и точно так же, как и они, орал во всю глотку, стараясь перекрычать своих друзей. А сейчас Ранбарт находился на площади вместе со своим родом на правах полноправного рудокопа.

Ранбарт усмехнулся, вспомнив, как после прошлогоднего праздника они с друзьями хвастались количеством полученных от наставников тумачков с затрещинами и совершенно охрипшими голосами горланили песни, победившие в праздничном соревновании. А потом делились планами на будущее и все вместе рассказывали друг другу, как они найдут белый алмаз и король сделает их Хозяевами Замков. При этих воспоминаниях парнишка помрачнел. Всего год прошел, как он перешел из Младших в рудокопы, но нет уже на этом свете почти четверти его погодков из младшей артели. Погибли под завалами на нижних уровнях весельчаки Лан и Нан. Здоровяк Торо, лучший проходчик из всех младших артелей, сгорел в потоке лавы. Маленький и чрезвычайно шустрый Орто – единственный, кто выжил после орочьего набега на его приграничный хутор. Только вот с одной рукой жить ему сейчас очень не просто. Хорошо, что женщи-

ны пристроили его у себя в грибной пещере. С голоду не помрет...

От невеселых мыслей гнома отвлек дикий рев толпы. Юноша вскинул голову, устремил взгляд на помост. С него медленно спускался король, в паре шагов позади него торжественно вышагивали воевода и верховный маг королевства.

Сзади кто-то из проходчиков тихонько прошипел сквозь зубы:

– А король-то еще больше с прошлого года разжирел. В следующий раз и из ворот выйти не сможет. Нам придется стену долбить, чтобы он Горн разжечь смог на праздник.

На говорящего зло цыкнул старейшина, и рудокоп немедленно заткнулся. Ранбарт едва заметно покачал головой. Действительно, король и раньше отличался очень плотным телосложением, ну а сейчас так вообще стал похож на болотника, который известен тем, что может за один раз съесть трех взрослых гномов и еще останется место на пару Младших.

Король подошел к Горну, с большим трудом нагнулся и поднял несколько поленьев для растопки. Верховный маг и воевода вскинули вверх руки и затянули песню огня.

Раздался оглушительный треск, и Горн вместе с тремя гномами провалился под землю. Утробный вой короля еще несколько мгновений доносился из провала.

«Проклятый мрак! И кричит король, словно болотник!» – пронеслась в голове молодого рудокопа неуместная мысль

и тут же исчезла. Но не потому, что столь неожиданная гибель верхушки королевства столь опечалила гнома, а потому что из черной дыры на месте Горна, вверх к самому своду пещеры взлетел ослепительный столб света, ударился об потолок и рассыпался на бесчисленные блики, похожие на сияние драгоценных камней. От каждого блика протянулись невыносимо прекрасные разноцветные нити, причудливым образом переплетающиеся друг с другом и постепенно образующие замысловатый узор.

На площади стало светло, словно на поверхности в солнечный полдень. Гномы неподвижно стояли на своих местах и, раскрыв рты, смотрели на происходящее перед ними невероятное зрелище. Где-то наверху, высоко над головами собравшихся, гроыхнуло, и со всех сторон раздалась неземная музыка, настолько ошеломительная, что поначалу Ранбарт даже не понял, что он слышит. Музыка рвала душу в клочья, звала вперед, манила обещаниям великого счастья и одновременно уверенного спокойствия. Ничего похожего раньше гном не слышал и даже представить себе не мог, что такое совершенное великолепие может существовать в мире. Самые лучшие эльфийские песни по сравнению со звучащей сейчас мелодией казались лишь отвратительным ухащем слизи в полнолуние. Тем временем над провалом полыхнуло, и на площади возникла огромная фигура, словно сотканная из яркого света светильников, багровых брызг лавы и пламени раскаленного железа в горне.

Народ на площади подался вперед, но сверкающая фигура, властно подняв руку, решительным жестом остановила толпу. Она величественно окинула площадь взором и раскатистым голосом обратилась к народу:

– Мне больно смотреть, как мои потомки исчезают во мраке. Медленно умирает мой народ. Мои плоть и кровь. Пройдет еще немного времени, и последние кирки затупятся, топоры проржавеют, и мой род прервется. И только орки будут рассказывать о нас своим детям в сказаниях.

Фигура замолчала и грозно нахмурила брови. В толпе раздалось несколько истошных женских криков, а спустя пару ударов сердца по неподвижно замершему гномьему морю сперва тихо, а потом все более и более громко пронеслось имя:

– Это же Ортрун, предок всех гномов... Ортрун... Первоначальный... Владыка...

У Ранбарта сдавило горло, стало трудно дышать. То, что сейчас происходило на его глазах, было настолько запредельным событием, что у молодого гнома начала кружиться голова. Оглянувшись по сторонам, юноша увидел, что в подобном состоянии находятся все гномы. А у всегда сурового и грозного главы его рода подозрительно заблестели глаза.

Владыка еще раз окинул взглядом площадь, переложил боевой топор из руки в руку.

Слева от Ранбарта началась какая-то возня. Один из старших кузнецов весьма ощутимо тыкал огромным кулаком под

ребра своему сыну и, не отрывая глаз от Первоначального, беспрестанно повторял:

– Запоминай, запоминай, дубина каменная. Топор запоминай. Доспех запоминай, каждую детальку запоминай. А не запомнишь, я тебя на наковальню положу и молотом так оприходу, и мамка не защитит... Запоминай, запоминай...

Ранбарт после этих слов встрепнулся и впился взглядом в Первоначального. Владыка был красив и могуч. Все сказания, что слышал ранее гном об Ортруне, не давали почти никакого описания его внешности. Почему это так произошло, Ранбарт понял мгновенно. Описать простыми словами, как выглядит Первоначальный, попросту невозможно. Ортрун настолько прекрасен в своих великолепных, невиданных никогда ранее доспехах, что рассказать кому-либо об этом не получится. А борода Владыки... Такую бороду может иметь только один гном в мире. И имя этого гнома – Ортрун...

Рудокоп так засмотрелся на Первоначального, что не сразу сообразил, что тот снова начал говорить:

– ...я этого не допущу! Я люблю слушать, как стучат кирки об камень. Я люблю, когда дымы кузниц поднимаются к самым небесам. Люблю слышать, как кричат в ужасе наши враги. А вы! Что делаете вы? – голос Ортруна стал поистине страшен. Гном резко взмахнул топором и сердито нахмурился. – Я сейчас слышу только, как смеются наши враги над мной и над моим народом! Хватит! Больше этого не будет. Я забрал ваших правителей к себе в чертоги. Для вас прошло

двести ударов сердца, а для них долгие годы. У меня они набирались тайных знаний у наших лучших мудрецов.

Владыка расправил плечи, победно вскинул подбородок:

– Теперь все зависит от вас. От каждого из вас. Судьба всех гномов в мире в ваших руках. Я ухожу, но помните, что только самых достойных я жду в своих чертогах. Помните это.

Первоначальный неодобрительно посмотрел на стену королевского замка, явственно нуждающуюся в серьезном ремонте, раздраженно плюнул на землю и исчез. Прекрасная музыка, солнечный свет и великолепное сияние исчезли вместе с ним. Гномы на площади замерли в молчании, и лишь слабый крик короля, отчетливо донесшийся из провала, нарушил тишину:

– Твою дивизию! Вытащит нас кто-нибудь из этой дыры или нет?

Высокий и худой (разумеется, по меркам гномов) верховный маг метался из угла в угол по небольшой комнате, вплотную примыкавшей к личному обеденному залу короля. Сам же Его Величество с испуганным лицом прятался за широкой спинкой кресла и время от времени выглядывал из-за нее, пытаясь хоть немного успокоить мага.

– Павел Анисимович! Прошу вас, не горячитесь! Так вы все помещение вдребезги разнесете!

Маг резко остановился, зло зыркнул глазами по сторонам, обхватил руками голову и тяжело плюхнулся на скамью, це-

ликом вырезанную из красивого темно-зеленого камня.

– Да успокаиваюсь я, успокаиваюсь. Я уже говорил вам, голубчик, что моя психоматрица в момент переноса вошла в небольшой конфликт с матрицей предыдущего владельца тела. Что-то пошло не так, как должно идти. Но слава Богу, дело это поправимое, и чувствую, что с каждым разом приступы моего неконтролируемого гнева становятся все слабее и слабее. Скоро я полностью возьму ситуацию в свои руки, – к концу речи Нагибин действительно несколько утомился, лицо разгладилось, и с него почти сошло гневное выражение. Минут пять маг сидел в глубокой задумчивости, время от времени поглаживая окладистую бороду. А потом, глубоко вздохнув, вскочил со скамьи, протяжно зарычал и обратился к инженеру:

– Вы это, голубчик, – прячьтесь. Чувствую – сейчас снова начнется. – Нагибин пронзительно взвизгнул и вскинул руки вверх. – Гномы! Гномы, твою мать! Но почему именно они? Какого хрена именно они! Что, никого другого не нашлось! Арх...

Маг, уже совсем нечленораздельно рыча, в бешенстве ударил кулаками по каменной столешнице. Из-под его рук в разные стороны полетели синие молнии попеременно с небольшими огненными шарами. Один из них с противным шипением врезался в спинку кресла, за которым прятался Осипов, и громко взорвался. Еще два попали в скамью, она оглушительно треснула и развалилась на несколько частей.

По стенам змеями заискрились молнии. Неприятно запахло жженной материей, озоном и горелой электропроводкой. Висящий на потолке светильник зашипел, несколько раз моргнул и погас. В комнате стало темно, лишь тончайшая полоска света пробивалась из-под двери.

– Павел Анисимович! С вами все в порядке? Вы целы? – раздался в темноте обеспокоенный голос Осипова.

Маг отозвался после непродолжительного молчания:

– Цел я. Цел. В этот раз что-то совсем худо мне пришлось. Но сейчас полегчало. Надеюсь, окончательно.

Осипов выбрался из-за кресла и, водя перед собой руками, стал пробираться к выходу из комнаты.

– Это радует. Жаль, кстати, светильник. Старинная вещь, таких уже не делают. Да таких ламп всего-то в кладовых с дюжину осталось. – Николай толкнул плечом дверь, та моментально открылась, и Осипов безвольно рухнул на выложенный разноцветными камнями пол коридора.

Со всех сторон раздались крики, к королю подбежали многочисленные слуги, которые развели такую невероятную суету, что смогли поднять Осипова на ноги лишь через пару минут. А то и поболее.

Обливаясь потом и тяжело дыша, инженер ткнул в грудь первого попавшегося гнома, намереваясь повелительно распорядиться, чтобы его провели в обеденную залу. Но вместо этого Осипов заорал и машинально засунул палец себе в рот. Еще бы. Когда тыкаешь пальцем воеводе в панцирь,

нужно учитывать, что такой доспех вот так, без подготовки, пробить рукой весьма затруднительно.

– Ваше Величество! – голос воеводы звучал весьма учтиво и на удивление спокойно, что изрядно настораживало, так как Андрей одной рукой держал за бороду гнома с синяком под правым глазом, а другой рукой раздавал тумаки неповоротливым сотрудникам службы королевского сервиса. – Ваше Величество! Я буквально на секунду отвернулся, когда доносил до народа ваши мудрые приказания насчет продолжения праздника, а этот стервец схватил отбойный молоток и как припустит бежать! Еле догнал негодяя!

Внутри Осипова все оборвалось. Мысли лихорадочно заметались, причем, кроме своих мыслей в голове у инженера явно начали крутиться и чужие. Медленные, тягучие, словно капли меда. Воевода сердится. Это очень плохо. Воевода хоть и тупой, как кирка Последнего, но очень преданный. Надо отдать вора воеводе. А лучше казнить. Да, казнить. Пусть все видят, как я страшен в гневе. А потом пообедать. Или пообедать, а потом казнить. Нет, лучше пообедать до казни, а потом и после нее...

Осипов с силой потряс головой, разрывая липкую паутину чужого мышления. Нет. Таких советов ему не надо. Над ухом раздался едва слышный, вкрадчивый голос мага:

– Коля, вора в темницу под замок. Потом с ним разберемся. А сейчас нам нужно втроем обсудить сложившуюся ситуацию. Распорядись, чтобы хоть пару часов нас не трогали.

И еще. Советую провести первое заседание в моих покоях. Я там такую защиту наворотил, ни одна живая душа ничего услышать не сможет, – и после небольшой паузы Павел Анисимович с некоторым удивлением добавил: – Впрочем, и неживая тоже.

Через весьма непродолжительное время три руководителя королевства уединились в большой, ярко освещенной комнате, служившей магу именно для проведения деликатных переговоров. А народ, по случаю праздника почти полным составом собравшийся в столице, получил наконец порцию самых свежих слухов из замка. Первоначальное оцепенение, вызванное столь неожиданным появлением Владыки, прошло, и жизнелюбивые гномы с громадным удовольствием начали активно обсуждать новости. И что верховный маг теперь обладает невероятными способностями, разбрасывает огненные шары почем зря, прожигая при этом в стенах чудовищные дыры. И что воевода может видеть то, что происходит у него за спиной. И что король набрался такой мудрости, что выражается исключительно незнакомыми, очень уж заковыристыми словами.

Как обычно в таких случаях, слухи моментально обрастали невероятными подробностями, и вот уже нашлись непосредственные очевидцы событий, которые собственными глазами наблюдали, как верховный маг одним заклинанием полностью разрушил стену замка. То, что обветшала, но вполне целая стена стояла прямо за спиной свидетеля столь

эпохального события, мало кого волновало. Народ жадно впитывал каждую новость из замка и потихоньку начинал строить свои версии относительно дальнейших действий короля. Некоторые гномы, особенно из числа умудренных жизнью старших артельщиков, собирались небольшими кучками, о чем-то шептались и расходились, задумчиво теребя бороны. Никто еще ничего не знал, но на многочисленных площадях, в туннелях и переходах города все явственнее раздавалась фраза «Что-то будет».

Три человека неподвижно сидели в деревянных креслах и молча смотрели на отбойный молоток марки «МО-2К2». Он горделиво лежал на большом каменном, идеально отполированном столе в окружении металлических кубков весьма незамысловатой формы. По сравнению с кубками «малыш» выглядел чудом дизайна и безудержным полетом инженерной мысли. Первым напряженное молчание прервал Павел Анисимович; упершись руками в стол, он начал речь чрезвычайно деловым тоном:

– Итак, у нас первый раз за сегодняшний день выдался шанс спокойно поговорить. Тем более у нас накопились некоторые нерешенные вопросы, требующие совместного обсуждения и определенной координации действий, – в недавнем прошлом оформитель, а ныне верховный маг внезапно замолчал и неожиданно с явной горечью в голосе закончил фразу: – Проклятье! День так хорошо начинался и так паршиво заканчивается...

Звякнув доспехами, Шипулин вскочил из кресла:

– Ну, это кому как. У нас как бы все наоборот получилось!

Нагибин раздраженно взмахнул рукой:

– На самом деле у вас все точно так же, как и у меня.

Просто вы еще этого не осознаете. Впрочем, сейчас не до сантиментов. Так, – голос мага снова зазвенел официозом. – Для начала кратко описываю то, во что мы вляпалась. После утверждения договора между Старшими миров произошел переброс наших психоматриц в реципиентов... – увидев, как дернулся Шипулин, Павел Анисимович поспешно уточнил: – А если говорить по-простому, то всю нашу разумную составляющую вместе со всей памятью аккуратно перенесли в тела трех гномов. От их психоматриц остались лишь некоторые функции памяти, моторика и, возможно, самые сильные эмоции. Также на первоначальном этапе внедрения вероятны прорывы остатков чужого мыслительного процесса, но это очень скоро пройдет. На самом деле процедура подобного переноса довольно рутинна, ранее неоднократно проделанная не в одном мире. Теперь вопросы...

Словно прилежный ученик Осипов поднял руку и моментально выпалил:

– Я, конечно, дико извиняюсь, но надо что-то с этим делать. И делать немедленно. У меня такое ощущение, что я вот-вот просто помру от собственного веса. – Николай погладил свой огромный живот и тяжело вздохнул. – Пока от замка сюда дошел, весь потом изошел. Потом минут десять

отдышаться не мог.

Нагибин сочувственно закивал:

– Это действительно проблема, и решать ее нам необходимо немедленно. Но сейчас я вам буду задавать вопросы, а не вы мне. Необходимо убедиться, что все нормально у вас с памятью и навыками носителей. Я буду спрашивать, а вы по очереди отвечать. Только быстро. Готовы? Тогда поехали.

Минут десять Осипов с Шипулиным рассказывали магу о том, как звали их матерей, какие важные события произошли в королевстве за последние десять лет, и тому подобную ерунду вроде единиц измерения длины и веса.

– Достаточно. С этим все в порядке. Память реципиентов функционирует отлично. – Павел Анисимович привычным жестом поправил несуществующие в этом мире очки на носу и продолжил. – Теперь пройдемся по эмоциям. Начнем с короля. Николай, сосредоточься и скажи, какие чувства или, может быть, ощущения, которые ты испытываешь в данный момент, не твой?

Осипов завозился в кресле, для чего выпучил глаза, в общем, изо всех сил показывал, как он сильно сосредоточился и старается определить чужие чувства. Внезапно взгляд Николая остекленел, а лицо начало приобретать насыщенный красный цвет. Маг с нескрываемым любопытством подскокил к Осипову, требовательно спросил:

– Ну что там? Вижу же – нашел! Говори скорее, это очень важно!

Николай в отчаянии закрыл лицо руками и лишь мычал сквозь ладони.

– Да говори же, инженер! – Шипулин крепко потряс короля за плечо. – Что ты мнешься! Это же для дела нужно.

С трудом оторвав ладони от лица, Николай чуть слышно прошептал:

– Я вождедею... сильно вождедею... Нет, не могу сказать. Стыдно.

– Кого? Кого ты там так сильно вождедеешь? – Павел Анисимович начал трясти Осипова за другое плечо. – Да говори же быстрее.

Бедняга король с болью посмотрел на Шипулина и еще больше покраснел. Воевода отскочил от короля словно ошпаренный:

– Нет! Только не это! Этого не может быть!

Осипов как-то бабски передернул плечами и непонимающе протянул:

– Андрюша! Что только не «это»? Ты чего вообще... – король вытянул вперед руки и медленно начал вставать из кресла, явно собираясь приблизиться вплотную к воеводе. Тот взвыл и отскочил назад:

– Не приближайся ко мне! – орал Шипулин, безуспешно шаря по пустому месту на поясе, где обычно висел его боевой топор. – Не подходи, а то я за себя не ручаюсь!

Наблюдавший за столь внезапно разыгравшейся перед его глазами эпической драмой маг с силой топнул ногой об пол

и громогласно пророчал:

– Немедленно прекратить балаган! Что вы здесь устраиваете?

Павел Анисимович ловко вклинился между собеседниками и категоричным тоном обратился к королю:

– Быстро отвечай, что там у тебя за вожеление такое.

Осипов, явно пребывавший в сильном недоумении по поводу происходящего, шмыгнул носом и, уткнув взгляд в пол, с большим трудом произнес:

– Тут это... Как там его... Принцесса эльфийская из соседнего с нами королевства. Таниэльель. С белыми волосами которая. На голове у нее, в общем, они.

Лица мага и воеводы, словно по команде, приобрели крайне брезгливое выражение. Но совсем ненадолго. Нагибин нейтрально сжал губы, а на физиономии Шипулина появилась весьма понимающая улыбка. Сильно обрадованный таким поворотом сюжета Осипов ненадолго задумался, обвел присутствующих взглядом:

– Слушайте, а и правда, что это я в самом деле? Да, с точки зрения гнома такая страсть весьма отвратительна и даже противоестественно. Но мы же не гномы, вернее, не совсем гномы. И ничего противоестественного лично я не вижу. Кстати, такое раздвоение восприятия я уже испытывал. Когда нас вытащили из провала, то в глаза бросилось то, что народ одет в немыслимое тряпье, просто в чудовищные обноски. Но в мое сознание моментально пришли мысли на-

стоящего короля, и я понял, что весь народ по случаю праздника нарядился во все самое лучшее... – король внезапно осекся и с большим подозрением посмотрел на Шипулина. – Слушай, а вот ты что так завелся? Дело явно не в эльфийке. А в чем? Ну-ка давай, рассказывай, что ты там себе нафантазировал.

По мере того как Осипов, словно опытный следователь, раскручивал нити запутанного дела, Шипулин все сильнее вытягивал голову в плечи и медленно отступал к двери. Король резко остановился, его глаза округлились:

– Так ты подумал, что это я тебя вождедею? Ах ты, извращенец! – Осипов в гневе схватил со стола кубок и запустил его в воеводу. Тот ловко пригнулся, и кубок со страшным грохотом ударился об стену.

– Да ты бы на себя в зеркало для начала посмотрел, уродище бородатое, – продолжал надрываться король.

Разгневанное Его Величество потянулось за следующим кубком, но ойкнуло и обессиленно плюхнулось в кресло.

– Уф... да что же это такое творится. Два раза руками взмахнул, и все. Силы закончились. – Осипов завистливым взглядом окинул воеводу. – Тебе хорошо, вон какой жилистый да широкий в плечах. Хотя, конечно, и извращенец знатный. Такую ерунду придумал.

Мудрейшую речь короля прервал раскатистый смех мага.

– Ну, вы, голубчики, меня изрядно повеселили. Особенно Николай. Слово-то какое ты употребил подходящее: «во-

жделеешь!»! – Павел Анисимович снова расхохотался и вытер выступившие на глазах слезы. – С вами, парни, не соскучишься. Давно я так не смеялся. Впрочем, хорошего понемногу. Пора возвращаться к нашим непростым делам.

Нагибин скрестил руки на груди и принялся ходить по комнате, время от времени заводя их за спину.

– Итак, с сексуальными предпочтениями Его Величества мы разобрались. Кстати, Николай, больше у тебя нет предметов тайного вожделения? – последнее слово маг произнес с явным удовольствием, и на его губах промелькнула добрая улыбка.

Осипов отрицательно замахал руками, отчего его бочкообразное тело смешно заколыхалось, словно огромный кусок желе.

– Отлично. Тогда слово предоставляется нашему достопочтенному воеводе Андрею Викторовичу Шипулину. Теперь ты рассказывай.

С Шипулиным оказалось все гораздо прозаичнее. Никаких порочных тайн у него не нашлось, лишь обнаружилась сильная, всепоглощающая страсть к драгоценным камням. Особенно обожал воевода рубины и опалы. Но и в этом не было ничего удивительного, так как и прочие обитатели королевства далеко не ушли от воеводы в своих чувствах по отношению к редким и красивым минералам. Усердно их собирали и заботливо прятали в родовых сокровищницах.

– Понятно. Камни – это хорошо, они нам пригодятся, –

подвел итог краткой беседы маг. – Теперь несколько слов обо мне. Не скрою, я весьма огорчился, когда понял, что мы попали в магический мир, да еще и в тела гномов. Честно говоря, этого не ожидал. Дело в том, что я весьма консервативный человек, причем занимающий ответственную должность. В свободное от работы время занимался изучением истории Второй мировой войны. Причем занимался весьма серьезно. А тут, понимаете, такой неожиданный коленкор нарисовался. Разумеется, я расстроился, но приступы моего неконтролируемого гнева удивили меня самого. Еле-еле совладал с бешенством, которое сжигало меня изнутри словно резак автогена. Так не должно происходить ни при каких условиях. Что-то, как я уже ранее говорил, в момент переноса психоматрицы прошло не в штатном режиме, и какая-то часть сознания моего реципиента отчаянно пыталась перехватить управление. Но сейчас все хорошо, и я убедился, что все мы полностью контролируем носителей. Собственно говоря, мы теперь они и есть.

Нагибин закашлялся, протянул руку к ближайшему кубку:

– Эх! Вода закончилась, надо принести, а то в горле запершило.

Осипов услужливо начал подниматься со своего места.

– А ты куда это, голубчик, собрался? – удивленно спросил Павел Анисимович и повелительным жестом усадил Николая обратно в кресло. – Не царское, тьфу ты, не королевское

это дело к слугам бегать. Вон товарищ Шипулин среди нас самый нетитулованный, пусть он и идет.

Маг взмахнул рукой, бледно-голубое сияние вокруг двери погасло, воевода резко распахнул створки двери, рыкнул в глубь коридора:

– Быстро принесли воды, куски слизи! Король пить желает.

Напившись, Нагибин осторожно поставил кубок на стол и ненадолго задумался.

– Уважаемые коллеги. Нам пора прекратить называть друг друга своими старыми именами. Кстати, тот факт, что мы упорно избегаем назвать собеседника его настоящим гномьем именем, – это один из главнейших признаков того, что тела реципиентов полностью находятся под нашим управлением. Так что с данного момента никаких Павлов Анисимовичей и тому подобных Шипулиных не допускается. Это понятно?

Явно обиженный на непочтительное обращение со своей фамилией Андрей недовольно кивнул, а Осипов в который раз за сегодняшний день заверещал:

– Вам хорошо, у вас нормальные имена! А у меня, ко всему прочему, еще и имя идиотское до неприличия. Что же мне так не повезло! Чем же я провинился перед Владыкой?

Воевода внезапно крайне заинтересовался висящим напротив двери гобеленом. Отвернувшись от короля и пряча улыбку в бороде, он стал крайне внимательно рассматривать

примитивный орнамент на сильно потертом ковре. Маг же тяжело вздохнул, завистливо посмотрев на тонкого ценителя искусства, наклонился к королю и вкрадчиво произнес:

– Ваше Величество! У вас прекрасное имя, предмет зависти всех мужчин королевства. Более того, только гномы королевской крови имеют на него право! Сами посудите, настолько мощно оно объединяет в себе две самые важные в жизни нашего народа вещи. Лучше и представить себе невозможно. Кирка и борода. Это же прекрасно!

Осипов подался вперед, помахал перед носом мага пухлым указательным пальцем:

– Бросьте свои психологические штучки, уважаемый Павел Анисимович. Я прекрасно понимаю, о чем вы сейчас говорите. Но как представлю, что меня каждый день будут называть этим именем, то хоть голову в петлю суй.

Король Шлюксбарт Пятый подпер щеку рукой и тяжело вздохнул. Магическая защита вокруг двери запульсировала и поменяла цвет с бледно-голубого на ярко-синий.

– Не беспокойтесь, – маг сделал весьма хитрый жест правой рукой и два раза несильно топнул. – Это пришел из тайной кладовой мой слуга.

Из-за слегка приоткрытой двери раздался деликатный старческий голос:

– Господин, я принес все, что вы просили.

В коридоре кто-то истошно завопил. В проеме двери сверкнули боевые топоры королевской охраны, раздался

лязг доспехов. У Осипова даже мелькнула мысль, а не болотник ли каким-то невероятным образом проник в дом мага, но через секунду Его Величество понял, что внезапное появление отвратительного чудовища просто ерунда по сравнению с тем, что сейчас произойдет.

Оттолкнув старого слугу, в комнату ворвался достойный Ламбарт, главный хранитель королевской кирки, в сопровождении внушительной толпы хранителей рангом пониже. Он без лишних слов бухнулся на колени, трагически протянул руки к королю, громким и одновременно жалостливым голосом запричитал:

– Ваше Величество! Такой день, такой день сегодня! А что делаете вы?

Николай от неожиданности растерялся:

– Я? Я ничего не делаю. Вернее, делаю: провожу секретное совещание особой королевской важности.

Главный хранитель словно не услышал слов короля:

– Ваше Величество, прошла уже почти треть смены, а вы до сих пор ни разу не откушали. И это сегодня, в такой величайший день. Как же так?

Ламбарт с таким пылом, с такой неподдельной заботой в голосе произносил речь, что король мгновенно осознал всю степень вины и прочувствовал тяжесть невероятных прегрешений. Хранитель поднялся на ноги, наметанным взглядом окинул помещение, уделив самое пристальное внимание столу.

– Ваше Величество. Эта комната недостойна быть местом вашей трапезы. Прошу проследовать в королевскую обеденную залу.

Стоящие за спиной Ланбарта помощники синхронно закивали, всем своим видом показывая, что такое развитие событий не только единственно правильное, но, ко всему прочему, абсолютно неизбежное.

Инженер обреченно махнул рукой. Безусловно, нужно немедленно возвращаться в свой замок, тем более что Его Величество действительно не ел целых три часа и сильно проголодался. А совещание можно и потом провести. Вот только поспать после обеда нужно. А там и песенный праздник начнется, а ведь на нем именно королю предстоит называть имя победителя. А после песен общий пир...

Глаза хранителя радостно заблестели, и он довольно заулыбался. Ламбарт сделал едва уловимый жест рукой, и помощники начали бодро отступать к двери, образуя между ней и королем живой коридор.

С большим трудом Осипов выдернул свое тело из удобного кресла, подошел вплотную к Ламбарту и, неотрывно смотря тому в глаза, произнес:

– Достопочтенный хранитель. Повелеваю вам немедленно убраться отсюда, и впредь без моего личного распоряжения никому не разрешается беспокоить меня, когда я занят делами королевства.

Главный хранитель сначала побелел, потом покраснел.

Потом еще раз. И еще. На его лбу выступили крупные капли пота, а кончик бороды весьма заметно затрясся. Ламбарт попытался что-то сказать, но у него ничего не получилось.

– Достопочтенный хранитель, вы не слышали мой приказ? – Николай подпустил металл в голос и с удивлением заметил, что у стоящего перед ним гнома, кроме кончика бороды, вдобавок затряслись еще и колени. А у его помощников в глазах застыл неприкрытый ужас.

Совершенно обескураженный Ламбарт все же смог собраться и начал крошечными шажками пятиться к выходу.

– Но я не понимаю, это невозможно, – скорее прошептал, чем сказал, хранитель. – Ваше Величество. Но что я скажу при дворе? Что я скажу Хозяевам Замков?

– Скажи, что я сейчас не голоден и крайне занят. И еще. Я буду присутствовать на песенном празднике. Когда до его начала останется полчаса – сообщите.

– Пол чего останется? – непонимающе переспросил хранитель, от большого волнения даже не обратившись к государю по титулу.

– Половина десятины смены, – недовольным тоном произнес Осипов и, на удивление, величественно опустился на свое место. Как только дверь привычно засверкала защитой, широко улыбающийся маг, довольно потирая руки, обратился к королю:

– Вот это ты молодец, вот это ты его умыл! Рожу его гнусную вовек не забуду.

– А что это вы так радуетесь, Павел Анисимович? – заинтересованно спросил Осипов, погладил себя по животу и неожиданно выпалил: – Проклятый мрак! А поесть я бы сейчас не отказался. Так героически отбрыкивался от обеда, что проголодался. Вот блин.

– А я и не радуюсь, – отозвался маг, между делом доставая из принесенной слугой шкатулки пергаментные свитки довольно зловещего вида. – Это прошлый я радуется. Они с хранителем жестоко соперничают за право оказать на тебя наибольшее влияние. Политика, одним словом. Кстати, вся внутренняя политика в королевстве заключается в том, чтобы с твоего разрешения занять себе как можно больше слуг. Такие интриги закручиваются, что диву даешься. Вот, к примеру, взять третьего сына почтенного главы торговой артели... – Нагибин внезапно замолчал и бросил косой взгляд на воеводу. Тот ответил не менее ласково. Король настороженно подался вперед:

– Судя по всему, я что-то не знаю. Так?

– Да так. Мы потом вам с Андреем все расскажем.

Воевода несколько секунд побарабанил подушечками пальцев по столешнице, криво усмехнулся и кивнул. Чтобы прервать невольно возникшую паузу, он излишне бодрым голосом обратился к королю:

– А ты действительно молодец, когда у тебя глаза словно пеленой задернуло и они стали такими противно-маслянистыми, я подумал, что на сегодня все. А ты, наоборот, задал

джазу. И как это у тебя получилось?

– Очень просто. Как только я «поплыл» и мысли Шлюксбарта начали меня усыплять, я сразу вспомнил Сашку, своего старшего брата. Тот меня в детстве знаешь как строил! А я успешно сопротивлялся. Вот и представил вместо этого смешного хранителя грозного брательника. Интересно, как там он сейчас. Наверно, уже к родителям приехал, утешает, как может. Я знаю, у него это получится, пусть и не сразу. Лишь бы поскорее тела наши из забоя подняли. Хуже нет, когда тела долго ищут, – инженер широко улыбнулся и осведомился деловым тоном: – Ладно, что там у нас дальше по плану?

Глаза воеводы округлились, брови удивленно полезли на лоб. Он помассировал виски кончиками пальцев и как-то чересчур радостно улыбнулся:

– Мда... Похоже, и я при воспоминании о родных не испытываю никаких горьких чувств. Проклятый мрак! Даже о друзьях, что в забое вместе со мной были, больше не беспокоюсь. Что за фигня, Анисимович? – Шипулин впился взглядом в мага. – Отвечай.

– Простите меня, парни, – Нагибин понуро склонил голову. – Это я во время оформления немного погасил ваши чувства. Так надо было сделать, у вас эмоции просто зашкаливали.

Воевода сквозь зубы прошипел:

– И что, мы теперь, как идиоты, всегда будем улыбаться и

хихикать, стоит нам лишь подумать о родственниках?

– Нет. Это пройдет. Там, – бывший оформитель взмахнул вверх рукой, – это проходит за короткое время. А здесь...

Нагибин замолчал и прикрыл глаза рукой.

– Здесь тоже пройдет. Но не плавно, а в одну секунду. Тогда вас, ребята, накроет по полной программе. Ох, и накроет. Еще раз простите меня, так получилось.

Осипов бросил злобный взгляд на мага и неодобрительно покачал головой:

– Ничего себе «немного погасил чувства»! Да ты их полностью заблокировал. Вдобавок поставил тупейшую маскировку. Зря ты это сделал.

– Ваше Величество. Повторюсь, тогда и в тех обстоятельствах это было необходимо. Но сделанного уже не исправить. Еще раз прошу прощения.

Король и воевода переглянулись. После непродолжительной паузы Шипулин едва заметно кивнул.

– В таких случаях нужно обязательно предупреждать. Больше никаких сюрпризов не будет? – промолвил Николай весьма сухим, неприветливым тоном. Маг поднял руки в примирительном жесте:

– Больше никаких. Инцидент можно считать исчерпанным?

– А здесь ты тоже можешь проделывать подобные вещи?

– Нет. Мои способности остались в нашем мире. Здесь я обладаю только возможностями Дитбарта. И ничего более.

Так я могу продолжать?

– Да, но позднее мы обязательно вернемся к этому разговору.

– Значит, так, – Павел Анисимович облегченно вздохнул, бережно развернул свитки и положил их в центр стола. – Это три карты королевства. Первая относится к временам правления вашего дедушки, вторая ко временам отца, ну а третья, как нетрудно догадаться, современная. Должен отметить, что первая карта имеется в королевстве только в одном экземпляре, и он сейчас находится перед вами. Более древних карт не сохранилось. Давайте теперь внимательно посмотрим.

Три патлатые головы склонились над пергаменатами. Нагибин водил указательным пальцем по карте, одновременно комментируя свои действия.

– Под конец правления деда Вашего Величества королевство состояло из восьми уделов. На севере граница выходила за пределы горного хребта, вот до этой реки. За ней находились земли людей, ведущих оседлый образ жизни. На юге владения королевства заканчивались здесь. Дальше простиралась степь, населенная постоянно враждующими между собой племенами кочевников. Как людей, так и орков. На западе в густых лесах располагались многочисленные мелкие эльфийские кланы, так называемые Дома...

Осипов внимательно слушал рассказ мага, машинально постукивая ладонью по подлокотнику кресла. В нужных ме-

стах память Шлюксбарта выдавала необходимые подробности событий, так что Николай обдумывал сказанное магом сразу с двух точек зрения. Своей и Его Величества.

К удивлению Осипова, очень скоро выяснилось, что король банально забыл многие события истории королевства, а некоторые очень важные вещи даже и не знал. По быстро менявшемуся выражению лица Шипулина Николай понял, что и доблестный Нортбарт тоже имеет весьма посредственные знания в этом вопросе. Между тем маг отложил старый пергамент в сторону и взял другой:

– Таким образом, к началу правления Шлюксбарта Второго у нас впервые появились свои собственные земли сельскохозяйственного назначения. Мы наконец получили возможность выращивать зерновые культуры. Также к этому моменту сформировались устойчивые торговые пути и завязалась активная меновая торговля с соседями. Возник институт Хозяев Замков, выполняющих роль наместников на новых землях. Данный институт являлся предвестником возникновения системы вассалитета, столь хорошо нам знакомой по Средним векам.

– Ну, ты даешь, Анисимович, шпаришь точь-в-точь как наша училка на уроке истории, – прервал мага Андрей. – Еще минут пять таких речей, и меня сон сморит. Ты лучше попроще выражайся, без зауми.

– Во-во! – поддержал воеводу король. – Говори по-простому, а то и я уже не столько тебя слушаю, сколько думаю,

как быстрее хоть что-нибудь поесть.

Нагибин, весьма недовольный тем, что его так бесцеремонно перебили, осуждающе посмотрел на собеседников и хитровато прищурился:

– Попроще, говорите? Эх, молодежь, молодежь. Можно и попроще. В общем, так. Пока Шлюксбарт Второй был полон сил и энергии – королевство расширялось. Хозяева Замков и пискнуть без разрешения короля не могли. Правильная политика, приложенная в нужном направлении, давала свои положительные плоды. После смерти этого достопочтенного правителя начались вполне типичные перемены. Хозяева Замков постепенно забрали себе суверенитета сколько смогли и начали проводить фактически не зависимую от короля политику. В большинстве случаев она заключалась в проведении постоянных набегов на соседей и грабеже караванов. Причем грабили не только чужеземных торговцев, но и своих собственных. Дело дошло до того, что один из самых влиятельных Хозяев штурмовал столицу королевства и за малым не захватил престол.

– А я знаю! – радостно закричал Шипулин и воинственно потряс над головой кулаками. – У меня дед в той битве сражался. Он мне не раз о ней рассказывал и даже показывал изрубленный в том бою шлем. Где-то он у меня до сих пор в чулане валяется.

Дождавшись конца внезапной тирады воеводы, Павел Анисимович невозмутимо продолжил:

– На самом деле ничего необычного в таком развитии событий нет. Абсолютно заурядные, я бы даже сказал, рутинные процессы становления государственности. Причем, что интересно, к этому моменту мы имели явное технологическое преимущество перед окружающими нас варварскими племенами, – внезапно маг разволновался, нервно потер руки. – Эх, нам бы тогда остановиться, сделать передышку, укрепить вертикаль власти. Но нет! Гордыня, наша гордыня не позволила этого сделать.

Немного помолчав и успокоившись, Нагибин продолжил: – Такое наимудрейшее поведение Хозяев Замков настолько ослабило центральную власть и так озлобило наших соседей, что в результате гражданских смут и постоянных войн на границах от наших некогда огромных территорий остался пшик, – маг развернул последнюю карту и небрежно расправил ее ладонями. – Вот что мы имеем на сегодняшний день. Под властью нашего дорогого короля находится город Рудный и расположенный от него в двух днях пути по горным дорогам поселок Веселый. Это едва ли треть одного удела времен расцвета королевства. Из тридцати двух замков осталось три. Причем один из них наполовину разрушен. Есть еще небольшие хутора, стоящие на жилах драгоценных камней. Ни одной плодородной долины, ни одного крупного озера. Торговые пути отрезаны, за исключением единственного тракта, ведущего в эльфийское королевство, кстати, образовавшегося в результате войн с нами из трех или четырех До-

мов.

Внутри инженера все сжалось от ужаса. Захотелось кричать, топтать ногами, сыпать гадостями в лица придворных и почему-то немедленно потребовать ужина не менее чем на пять перемен блюд. Осипову даже стало жаль бедолагу-короля. Николай отчетливо понял, в каком тумане неведения пребывал правитель гномов. Он-то искренне считал, что все движется своим чередом и дела в королевстве идут как никогда хорошо. С большим трудом Николай загнал паникующие мысли несчастного толстяка на задворки своего сознания и полностью взял ситуацию под контроль. В голове сразу замесились пусть невеселые, тревожные, но свои мысли. Осипову внезапно стало очевидным, в каком катастрофическом положении находится его народ, его государство. От осознания всей глубины и серьезности проблем у Николая закружилась голова. Ни разу в его жизни и близко не стояло задачи, хоть отдаленно похожей на то, что предстояло решать. Причем решать необходимо прямо сейчас, немедленно. Буквально в эту секунду.

– Я вижу, ты наконец понял, – раздался сочувственный голос мага. – Все-таки еще много в тебе остается от предыдущего владельца тела. Видимо, очень хорошо ему в нем жилось. Сильно тяжело приходится?

– Ничего, справляюсь, – немного растерянно ответил король и тут же продолжил уже нормальным голосом. – То, в какой мы оказались заднице, примерно понятно. А есть хоть

малейшие положительные моменты? Или все у нас – бесконечный ужас, перемежающийся с непрерывным кошмаром?

Три бывших человека молча смотрели друг на друга. Первым тишину нарушил маг:

– Патернализм.

– Что это за фигня такая? Опять словами заумными разбрасываешься? – непонимающе протянул Шипулин.

– Тихо! Не перебивай, – резко оборвал воеводу король. – Обычный термин, ничего особенного.

Андрей широко открыл рот, явно собираясь что-то ответить королю, но передумал.

– Вот это и есть патернализм, – громко рассмеялся Павел Анисимович. – Когда закончились потрясения, прекратилась бесконечная резня всех против всех, и установилось хоть какое-то подобие мирной жизни, гномы стали очень уважительно относиться к своей верховной власти. Для них правитель сродни доброму и справедливому отцу. Который всегда знает, что надо делать, и денно и нощно заботится о благе каждого жителя королевства. – Маг замолчал, слегка наклонился к королю и задушевно произнес: – Вот такое отношение к вам, уважаемый Николай Владимирович, причем как среди простого народа, так и среди представителей аристократии.

Донельзя довольный Осипов величественно повернул голову к воеводе и неожиданно подмигнул тому правым глазом. Шипулин широко улыбнулся и подмигнул королю в от-

вет.

Маг страдальчески поднял руки вверх, мол, я серьезные вещи говорю, а собеседники ведут себя как неразумные Младшие. Нагибин досадливо хмыкнул и невежливо ткнул пальцем в сторону короля:

– А в случае с вами вообще очень интересно получилось. Как известно, ваша матушка была не только первой красавицей королевства, но и удивительно доброй и умной женщиной. Вот ее народ не просто любил по-настоящему, а практически боготворил. Да что там говорить! И сейчас любит. Если бы такое дело происходило в христианской стране, в нашем мире, то вашу матушку давно сделали, как минимум, святой, а что более вероятно, так вообще небесной покровительницей всего королевства. Так что на долю Вашего Величества приходится и большая часть обожания, предназначенного вашей матушке.

Осипов понимающе кивнул. Да, действительно очень хорошо все сложилось. Прямо как по нотам. Такая мощная поддержка народа весьма и весьма сейчас пригодится. Кстати, еще неизвестно, как обернулось бы дело, не скончался матушка нынешнего короля родами. Кто бы сейчас находился на королевском троне? Большой вопрос...

Нагибин тем временем продолжал свой неторопливый рассказ:

– Ко всему прочему не следует забывать о такой важной форме общественного сознания, как религия. Очень удач-

но получилось, что верховным жрецом местного божества по совместительству трудится наш добрый король, – Павел Анисимович почтительно склонил голову перед Осиповым в ритуальном поклоне. – Независимая жреческая каста по каким-то причинам не сформировалась в Рудном, и роль духовников выполняют по мере своих скромных сил старейшины родов, главы артелей и иные представители местного эквивалента знати.

Нагибин неожиданно замолчал и глубоко задумался. Потом несколько раз провел рукой по бороде и удивленно продолжил:

– Поразительно, но маги не являются жрецами Владыки, и вообще вся местная религиозная вертикаль очень странно устроена. Хорошо это или плохо – я пока не пойму. Пока четко видно только одно. Роль религиозного культа Первоначального в повседневной жизни королевства – не главенствующая. Но с другой стороны, то, что мы сегодня наблюдали на площади, ясно показывает нам, что сама личность Владыки...

Павел Анисимович говорил с такими убаюкивающими интонациями, что у Осипова с Шипулиным непроизвольно закрылись глаза, и через пару мгновений воевода уже сладко похрапывал. Николай же героически боролся со сном, но чувствовал, что долго сопротивляться ему не сможет. Неожиданно голос мага наполнился такими неприятными нотками, что Андрей моментально проснулся, а у Осипова в

предчувствии крупных неприятностей обреченно застучало сердце. Нагибин, увидев реакцию собеседников, мстительно улыбнулся и язвительно произнес:

– И вот при всех столь благоприятных обстоятельствах наш добрый король исхитрился ввиду своего полного ничтожества свести свой электоральный рейтинг к минимальным показателям.

– Э-э-э... – только и смог вымолвить Осипов. То, что сейчас сообщил ему маг, просто не укладывалось ни у него, ни у почтенного Шлюксбарта в голове. – Это как понимать?

– Так и понимать. Просто милашка Шлюксбарт оказался настолько паршивым королем, что дело пахнет керосином. Уже несколько лет по королевству ходит пословица: «Как матушка научила». Так говорят про того, кто откровенно плохо выполняет порученную ему работу. Халтурит или дурость свою пригномно показывает. Понятно, кого народ имеет в виду?

Пригорюнившийся Осипов медленно кивнул.

– Но и это еще не все! – почему-то радостно воскликнул Нагибин. Николай даже вздрогнул от неожиданности, так как маг в эту секунду стал удивительно похож на продавца из ТВ-магазина. Осипов даже начал опасаться, что почтенный Павел Анисимович сейчас вытащит какую-нибудь суперсковородку и предложит ее как бесплатный подарок к пылесосу стоимостью всего за триста тысяч рублей. Но нет. На этот раз обошлось. Ничего такого маг не сделал, а лишь продол-

жил сообщать крайне неприятные новости. — Уже буквально в этом году Ваше Величество в народе начали называть «болотником», — при этих словах Осипова передернуло от отвращения. — А болотник, как известно, штука мерзостная и в случае обнаружения подлежащая немедленному уничтожению. Пока еще гномы называют так короля по-тихому. Между собой, в тесных компаниях. Но пройдет совсем немного времени, и примутся называть открыто. После этого начнется бунт. И заверяю вас, что он будет не менее бессмысленный и беспощадный, чем наш.

Лицо инженера приобрело мертвенно-бледный оттенок, он прижал ладони к сердцу и часто задышал, с шумом втягивая в себя воздух. Воевода, напротив, побагровел лицом и яростно ударил кулаком об стол:

— Это что же получается! Куда ни кинь, всюду клин. Даже не могу понять, с чего начинать надо. — Андрей поднял взгляд к потолку и показал кому-то там наверху крайне неприличный жест. — Вы что, уроды, издеваетесь над нами?

— Нет. Не издеваются, — мягко ответил маг. — На самом деле Старшая этого мира хоть и сопротивлялась отчаянно, но все же устроила это шоу с появлением Владыки. Вернее, не шоу, а как она весьма деликатно выразилась: «Дешевый ярмарочный балаган».

Без этого балагана нам бы пришлось действительно туго. А так посудите сами. Народ сейчас находится в полном обалдении. Ликование такое, словно каждый нашел по мешку бе-

лых алмазов. И в таком состоянии гномы пробудут еще день, самое большее два.

Маг так резко вскочил со своего места, что тяжелое кресло с грохотом опрокинулось, а красивый подлокотник из редкого черного дерева раскололся пополам. Но Нагибин не обратил на это никакого внимания. Теребя бороду, он стремительно заметался по комнате, что-то неразборчиво бормоча себе под нос. Внезапно маг остановился и, дрожа от нервного возбуждения, торжественно произнес:

– Дорогие друзья! У меня появилась идея! Я наконец-то понял, что нам сейчас необходимо предпринять в первую очередь.

Находящийся в состоянии, не сильно отличающемся от клинической смерти, король ожил, словно его с головы до ног облили живой водой:

– Ну, слава Владыке! Хоть какие-то подвижки наметились. А то я как представил в подробностях этот твой бунт, так даже есть перехотелось.

– Значит, так. Пока народ не опомнился и не начал задавать неудобные вопросы, ты, Осипов, как правитель Рудного королевства, выступишь сегодня с ежегодным обращением к народу, подробно расскажешь про перспективы роста и укажешь вектора направления развития... – маг замолчал, так как увидел, что его собеседники смотрят на него широко открытыми глазами, да и вообще пребывают в состоянии крайнего изумления. Нагибин прокашлялся, выдержал неболь-

шую паузу и слегка раздраженным тоном продолжил:

– Что вылупились, словно слизь на изумруды? Между прочим, это не я, а вы должны рассказывать мне о современных политических технологиях, о важности пиара и о том, как с помощью простых и нехитрых приемов можно внушить огромному количеству народа все, что душенька пожелает, – чем дольше маг говорил, тем больше слышалось в его голосе неприкрытой горечи. – Это же вы поколение айфонов и айподов, это же вы строите государство с помощью фейсбуков и, прости меня, Владыка, не к ночи будет помянуто – твиттеров! Вот и расскажите мне, что сейчас делать будем. А я над вашими словами поразмышляю. По-своему, по-стариковски.

Павел Анисимович замолчал и демонстративно скрестил руки на груди. Явно смущенные столь эмоциональной речью мага, представители поколения высокотехнологичных средств связи начали робко оправдываться. Инженер пространно разглагольствовал о том, что он практически не пользовался твиттером, а установил его себе на компьютер исключительно для деловых разговоров особой важности и просмотров политических новостей. Шипулин же особо напирал на то, что он никогда и не помышлял о фейсбуке, а для общения с живущими на Украине родственниками юзал исключительно отечественный продукт. В качестве неоспоримых доказательств своей невиновности доблестный воевода приводил в пример такие социальные сети, как «Однокласс-

ники» и «ВКонтакте».

В полной мере насладившись блистательным триумфом, маг милостиво разрешил воеводе поднять с пола кресло и, поудобней устроившись в нем, деловито произнес:

– Сейчас мы подготовим краткую речь, которую король произнесет перед началом песенного праздника. Надо побыстрому набросать тезисы, – Нагибин завопил в кресле, явно что-то высматривая на столе. – Проклятый мрак! Бумаги-то нет, причем вообще.

Не успел инженер протянуть руку к лежащим на столе картам, а маг уже пронзительно заверещал:

– Не трогай! Даже не думай об этом. А то запущу тебе между ног огненным шаром, убить, конечно, не убью, но недельки три ходить не сможешь. Вернее, сможешь, но только под себя. А народу сообщу, что это на тебя Владыка рассердился за непочтительное отношение к историческим реликвиям королевства.

Испуганный Осипов немедленно отдернул предательски задрожавшие конечности от драгоценных пергаментов и попытался сделать вид, что его вообще нет в кабинете. Самое удивительное, что это ему практически удалось.

– Слуга пергамент принесет. У меня еще два чистых свитка осталось, – сурово сверкнув глазами, маг подскочил к двери и подергал ручку. Дверь даже не пошевелилась.

– Не понял. Что за шутки такие? – Павел Анисимович вцепился в ручку и с силой потянул на себя. Каменная дверь,

обитая широкими железными полосами и умело оббитая крашеным деревом, жалобно скрипнула, но и не подумала открываться. Лишь тонкие синие искорки пробежали по слегка поржавевшим полосам. Отступив от непокорной двери на три шага, маг задумчиво погладил бороду, проделал пару весьма замысловатых пассов руками и неожиданно хлопнул себя по лбу:

– Надо же! Это я исхитрился наложить на дверь чары нерушимости, – Нагибин почесал затылок и недоуменно протянул: – Самое интересное, что я этого заклятия не знал, лишь читал о нем в старинных книгах. Ладно, потом разберемся, что там и как.

Почтенный маг вытер пот со лба, резко провел перед собой рукой, словно очерчивая круг. Дверь на мгновение вспыхнула ярко-красным светом и со страшным грохотом рассыпалась на несколько частей. Из дверного проема раздался бешеный рев, и в комнату ворвались трое воинов. Они походя сбили мага с ног и, дико крича, с топорами наперевес бросились к королю. Воевода сорвался с места и ринулся им навстречу. Нагибин, лежа на полу, извернулся, словно дикая кошка, вытянул вперед руки и широко растопырил пальцы. Перед королем возникла прозрачная стена, словно высеченная из чистейшего горного хрусталя. Нападавшие не успели ни уклониться от нее, ни затормозить. Со всего разбега они ударились о стену и, звонко бряцнув доспехами, повалились на пол. Воевода подскочил к ближайшему неподвиж-

но лежащему телу, схватил топор и, широко расставив ноги, угрожающе зарычал, водя из стороны в сторону блестящим лезвием.

Из коридора, шумно гомоня, хлынула новая волна атакующих. Не успевший подняться маг с удивлением увидел в первых рядах нападавших почтенного Ламбарта. Правда, вид у хранителя королевской кирки был вовсе не воинственный, скорее донельзя обеспокоенный.

– Что здесь происходит? – властный голос короля мгновенно перекрыл грохот, царивший над местом схватки. И столько мощи звучало в этом голосе, что все находящиеся вокруг Шлюксбарта гномы мгновенно замолчали и замерли на своих местах, словно обласканные нежнейшим взглядом медузы Горгоны. Наступившую тишину нарушало лишь слабое потрескивание магической стены да протяжные стоны гномов, столь неожиданно с ней познакомившихся.

– Я повторяю, что здесь происходит? – король обвел взглядом притихшую толпу, разглядел в ней Ламбарта и резко вытянул руку вперед. – Ты! Отвечай!

Хранитель, ловко маневрируя между живописно лежащими на полу телами, подошел к королю:

– Ваше Величество! С вами все в порядке?

– Абсолютно. Отвечай на вопрос.

По лицу почтенного хранителя пронеслась легко читаемая гамма чувств. От явной радости до осознания того, что, возможно, лично у него возникнут некоторые пробле-

мы. С трудом сглотнув и нервно потеревив окладистую бороду, Ламбарт медленно заговорил:

– Ваше Величество мудро распорядилось оповестить себя за полчаса до начала песенного соревнования. Ровно в назначенное время я в великом усердии постучался в двери, но, к моему ужасу и ужасу всего королевства, они, как обычно, не засветились приятным сиянием. Беспокоясь за сохранность здоровья Вашего Величества и явно опасаясь за Вашу жизнь, столь ценную для королевства, было принято решение немедленно ломать дверь и спасти Ваше Величество.

– И как долго ломали? – вмешался в разговор маг. Он поднялся с пола и встал по правую руку короля. Крайне возмущенный столь бесцеремонным поведением мага, Ламбарт вскинул голову, но, увидев легкий кивок короля, сразу успокоился и ответил елейным голосом:

– Достопочтенный верховный маг. С помощью боевых топоров и тяжелых кирок дверь пробивалась...

Тут хранитель королевского шанцевого инструмента сделал эффектную паузу и победно посмотрел на мага, всем своим видом показывая, что он не какой-то там простой проходчик штроб, а все понимающий придворный, чутко улавливающий даже легчайший ветерок политических перемен, особенно исходящих лично от короля.

– Так вот, дверь пробивалась ровно треть полчаса!

Неизвестно чему улыбнувшийся Осипов благосклонно

взглянул на хранителя:

– Все понятно. Благодарю вас, почтенный Ламбарт, за столь похвальное усердие, проявленное в этой ситуации. Также благодарю всех, принимавших участие в моем спасении. На самом деле ничего страшного не произошло. Просто уважаемый верховный маг применил мощнейшее охранное заклинание, которому научился в чертогах Владыки. А вы, наверно, подумали, что сюда прорвались огненные демоны?

Главный хранитель королевской кирки, донельзя довольный похвалой государя, согнулся в низком поклоне:

– Наш долг защищать Ваше Величество в любом случае.

Король, опасливо косясь на постепенно теряющую материальность хрустальную стену, осторожно обошел ее и слегка наклонился над пострадавшими гномами. Николай уже давно узнал в них воинов своей личной охраны.

– Позаботьтесь о раненых и наведите здесь порядок. А мы немедленно отправляемся на площадь, – и правитель королевства шагнул к выходу.

От дома мага до места проведения праздника обычному гному топать не более пяти минут. Нужно пройти два коротких туннеля, пересечь небольшую пещеру с ровно стесанным полом и украшенную двумя рядами витиеватых колонн. Перейти по каменному мостику через весело журчащий между серых, замшелых валунов ручей и подняться по лестнице в десять ступеней на площадь. Но то обычному.

Королевская процессия двигалась по маршруту с толком

и расстановкой. Впереди степенно вышагивала четверка слуг с факелами в руках. Причем проделывали они это с таким важным видом, что несведущий наблюдатель легко мог предположить, что это и есть правители королевства гномов. За факелоносцами колонной по два двигался отряд стражи. В блестящих доспехах, с топорами на плечах охрана смотрелась весьма грозно. Но основную часть массовки составляли многочисленные хранители королевской кирки и прочие приближенные ко двору, наподобие безземельных Хозяев Замков. В глубине столь разношерстной процессии начисто потерялся король со своим ближайшим окружением.

Его Величество, с трудом переставляя ноги и тяжело дыша, вел тихий разговор со своими спутниками. Слева от него с отбойным молотком на плече шагал воевода, а справа со шкатулкой под мышкой семенил маг. В суматохе торжественного отбытия королевского кортежа из его дома Нагибин не смог отдать слугам столь горячо им обожаемые карты. Так и шел, крепко прижимая к себе шкатулку с бесценным содержимым. Находящиеся ближе всего к королю придворные, изо всех сил вытягивая шеи, пытались в подробностях услышать беседу, но довольствовались лишь отдельными словами и долетавшими до них обрывками фраз. Так что им пришлось ограничиться лишь созерцанием невиданной весьма странной булавы, с которой воевода не расставался ни на секунду. Между тем маг, вплотную наклонившись к уху короля, шипел сквозь зубы:

– Это надо сделать именно сейчас. Завтра будет сложнее, а послезавтра просто невозможно.

Король с готовностью кивнул головой:

– Да я согласен. Только вот что ты подразумеваешь под словом «это»?

Павел Анисимович упер взгляд в затылок впереди идущего сановника, одетого в белые одежды хранителя, и глубоко задумался. Задумался и Осипов. Перед его мысленным взором с калейдоскопической быстротой проносились сцены из жизни королевства. Нельзя сказать, что Его Величество не знал, как все устроено в его королевстве. Знал, конечно. Но относился к этому, как к раз и навсегда установленному порядку вещей. Так жили при его отце, так живут при нем, так будут жить и при его потомках. Это абсолютно нормально и правильно. Вот женщины, стоя по колено в ледяной воде, сбивают длинными баграми грибы со стен пещер. Вот шахтеры по десять часов в сутки рубят штробы на самых нижних ярусах в призрачной надежде добыть белый алмаз. Гибнут десятками, но на их место на следующий день заступают Младшие гномы. А вот возвращается с поверхности артель охотников. У них сегодня хорошая добыча, и к ужину на королевский стол подадут целиком зажаренного кабана. А то, что охотники напоролись на молодых орков, зашедших на земли королевства в поисках славы, так это ничего. Подумаешь, пяток гномов остались гнить в густом лесу на склоне горы. Из-за такой малости ссориться с вождем клана орков

не будешь. Сосед все-таки. Вот разгромленный хутор изумрудной жилы. Что здесь произошло, кто порвал на куски целую семью – неизвестно. Да и зачем выяснять? И так понятно, что без нечисти не обошлось, а дружину посылать не с руки. И так мало воинов, а если их по всяким пустякам в каждый уничтоженный хутор гонять, то и замок скоро охранять будет некому. А еще постоянно голодные глаза Младших. Дядя, дай хоть немного грибов! А рыбки нет? Мы и сырую съедим. Нет? А от мха уже животы болят и глаза гноятся... Ничего страшного. И это пройдет. Подрастут, сами рыбу ловить научатся. А когда рудокопами станут, глядишь, через годик-другой белый алмаз найдут, а то и два.

Что же делать? Ну, что же делать. В одну минуту все не исправить. Надо постепенно, плавно, одно за другим. Эх, как же сделать так, чтобы все было по справедливости. По справедливости...

– Ваше Величество! Ваше Величество! – вырвал Осипова из глубоких раздумий голос мага.

– Что такое?

– Мы уже больше минуты на месте стоим.

– Да? Не заметил. Пошли тогда дальше.

Пройдя буквально с пяток шагов, Николай рубанул воздух рукой и резко повернулся к магу:

– Надо дать народу справедливость. Ты понял меня, Дитбарт, – справедливость.

Криво усмехнувшись, маг покачал головой:

– Да где же мы сейчас возьмем эту самую справедливость? Король нетерпеливо взмахнул рукой:

– Нигде не возьмем. Но мы может дать гномам надежду на справедливость. Ты понял меня? Понял?

Павел Анисимович на мгновение закрыл глаза и приложил ладонь ко лбу, а в следующую секунду звонко рассмеялся и весело ответил, смотря прямо в глаза королю:

– Кажется, понимаю, – и уже совершенно серьезным тоном добавил: – Все хотел спросить у вас, коллеги, а кто умеет сочинять стихи?

Глава вторая

Поглаживая битком набитый живот и с трудом борясь с неожиданно навалившейся дремотой, Ранбарт предавался неспешному размышлению. А что еще делать молодому парню, который первый раз в жизни наелся так, что еле-еле смог накинуть на плечи свой дорожный мешок. Да. Повариха на площади возле городских ворот накормила от души. Гном и сам до сих пор не мог понять, как у него получилось умять три весьма приличных горшка супа и закусить это дело двумя огромными порциями жареных грибов. Не зря про сегодняшний праздник говорят: «День год кормит». Ох, не зря. Конечно, из рассказов товарищей паренек знал, как проходит для старших гномов день Первого Горна, но реальность оказалась куда как поразительнее дружеских побасенок.

Сейчас же проходчик, привалившись спиной к шершавой стене караванных конюшен и вдыхая насыщенный запахом навоза воздух, как раз и рассуждал о том, что его более удивило за сегодняшний день: невиданное по щедрости угощение или появление Владыки. Рядом, подложив мешки под голову, дремали остальные родичи, а глава самого крупного в Веселом клане рудокопов, почтенный Гербарт, вообще откровенно храпел, причем настолько громко, что лошади в стойле били копытами и испуганно ржали. Лишь двое карaulных, выставленных по распоряжению старейшины, мед-

ленно, еле-еле волоча ноги, ходили вокруг временного лагеря. Оно и правильно. Хотя в столице и спокойно, но мало ли что может произойти. Да и за поклажу, заботливо сложенную в женский шатер, беспокоиться не придется. Впрочем, как и за самих женщин.

Так и не решив для себя сложную дилемму, Ранбарт махнул рукой и вознамерился немного вздремнуть, но тут из ближайшего туннеля, идущего от городских ворот, выплеснулась шумная процессия, на разные лады прославляющая короля. Лежащий рядом с проходчиком его троюродный брат приподнялся на локте и сонно спросил:

– Что там такое?

– Ничего, спи, Вилбарт. Все в порядке. Это здешние кузнецы от суповых котлов возвращаются.

Брат понимающе улыбнулся и немедленно уронил голову на мешок. Через три удара сердца он уже сладко посапывал, при этом смешно причмокивая губами. Проходя мимо спящих провинциалов, местные не смогли себе отказать в удовольствии так рывкнуть «Слава великому королю Шлюксбарту Пятому!», что явственно задрожал потолок и закачались стены конюшни. По крайней мере, именно так показалось Ранбарту. Проснувшийся от дикого рева, старейшина сонно потер глаза и посмотрел на мерную лампу, тускло чадящую у него в изголовье.

– Пора собираться, и так почти четверть смены проспали, – буркнул себе в бороду Гербарт и, набрав в легкие по-

больше воздуха, привычно гаркнул: – Подъем! А то все лучшие места на площади без нас займут.

Гномы, несмотря на недовольные вздохи женщин, очень быстро свернули лагерь и потопали по узким переходам и туннелям к королевскому замку.

А на площади уже всюю шли заключительные приготовления к самому главному событию года – песенному празднику. Артель каменотесов опоясала место провала широким каменным парашетом и сверху накрыла мощными деревянными балками. Нагло воспользовавшись служебным положением, артельщики немедленно залезли на получившееся возвышение, став таким образом первыми в королевстве строителями, а заодно и посетителями такого невиданного ранее сооружения, как вип-ложа. Теперь счастливые обладатели лучших мест вяло переругивались с гномами из других кланов и артелей, которые время от времени отделялись от основной массы народа и пытались согнать ушлых каменотесов с импровизированных подмостков. Окружающие безо всякого интереса следили за постоянно возникающими перебранками, так как отлично знали, что до драки в этот священный для гномов день дело не дойдет.

Площадь медленно, но уверенно заполнялась ослепевшими от сытости гномами. Повсюду цвели улыбки, раздавался громкий смех и слышались первые, пока еще робкие песнопения. Но не все на площади пребывали в легком, беззаботном настроении. Главы родов и артелей, просто уважа-

емые гномы, в общем, все, кого в народе уважительно называли старейшинами, собирались небольшими группами и, встав тесным кругом, вели непростые разговоры. В центре одного такого собрания находился почтенный Гербарт.

– Что думаешь насчет всего этого, брат Фили? – обратился он к невысокому, но чрезвычайно широкоплечему собеседнику. Тот степенно погладил пышные усы и задумчиво потербил короткую опаленную бороду.

– Так сразу и не ответишь, брат Гер. Думать надо.

Стоящие вокруг гномы солидно закивали. Глава кузнечной артели поселка Веселый почтенный Филибарт озвучил невысказанную, но отчетливо витающую в воздухе мысль. Но в разговор двух друзей, выросших в одной младшей артели и поэтому имеющих право называть друг друга неполными именами, никто не вмешался. Да и зачем? Все понятно и без слов. Гномы немного помолчали, затем снова заговорил Гербарт:

– Тогда что зря стоять, стоймя туннель не вырубишь. Послушаем, что скажет король, вот тогда все и обсудим.

Собеседники опять степенно закивали, для приличия проронили еще пару ничего не значащих фраз и разошлись в разные стороны. Ранбарт хоть и находился во время разговора всего в десяти локтях от старейшин, но ничего не слышал, да и слышать не хотел. Он жадно высматривал в толпе своих друзей, но, к своему большому разочарованию, никого пока не обнаружил.

– И кого это ты, парнишка, ищешь? – раздался прямо над ухом проходчика приятный девичий голос. – А то смотри, так все глаза проглядишь.

Ранбарт повернул голову направо и остолбенел. Такой красавицы он еще не видел. Широкобедрая, невысокого роста, с иссиня-черными волосами, заплетенными в тугую косу, незнакомка показалась проходчику невообразимо прекрасной. Такой прекрасной, что лицо Ранбарта немедленно начал заливать густой юношеский румянец. Незнакомка мило улыбнулась, посмотрела по сторонам и многозначительно произнесла:

– Приходи сегодня вечером ко мне. Песни вместе попоем.

Бедолага-проходчик силился произнести хоть одно слово, но у него ничего не получалось. Вдобавок ко всему у него мелко задрожали колени, а в груди бешено заколотилось сердце. Девушка еще раз окинула взглядом Ранбарта и звонко засмеялась:

– Так что, придешь? Дома до утра никого не будет.

Красный, как лава нижних уровней, проходчик немного унял охватившее его волнение и наконец смог хоть что-то произнести:

– Э-э-э... Меня зовут Ран. И я из Веселого...

Девушка недовольно сжала пухлые губки и скорчила недовольную гримасу:

– Так ты еще Младший? А что ты тогда делаешь здесь, на площади? И где твой наставник?

Проклятый мрак! От стыда за допущенный им нелепейший промах Ранбарт был готов немедленно провалиться сквозь камень, причем гораздо ниже последнего уровня. И даже мучительная смерть в кипящем лавовом озере казалась сейчас гному спасительным избавлением от постигшего его позора. Несчастный Младший, не зная, куда спрятать внешне запно налившиеся свинцом руки, неуклюже переминался с ноги на ногу, совершенно не представляя, каким образом найти выход из абсолютно безнадёжной ситуации.

Между тем красавица томно поправила косу, самым прелестным образом сморщила обворожительный носик и разочарованно протянула:

– Знала я много веселовских парней, да ты что-то на них не похож, – после этих слов незнакомка развернулась и мгновенно затерялась в толпе.

Ошарашенный рудокop еще долго смотрел ей вслед невидящим взглядом, а в груди у него разливалось никогда ранее не изведенное теплое, щемящее чувство. Смотрел до тех пор, пока его чувствительно не толкнули в спину.

– Ты что, меня не слышишь?

Проходчик обернулся – рядом с ним топтался взмыленный Вилбарт. У него под ногами стояли два огромных заплечных мешка.

– Наши уже поближе к певцам подошли. Кинулись – а тебя нет. Меня за тобой послали. Забирай свое барахло, – брат с силой пнул один из тюков. – И пошли к остальным. А что это

у тебя рожа такая красная и задумчивая? Случилось что?

Не обращая внимания на назойливые расспросы брата, Ранбарт молча пробирался через плотную толпу. У него перед глазами все время возникал пленительный образ девушки, и рудокоп ничего не мог с этим поделать. И только после того, как гном присоединился к родичам и получил хороший нагоняй от старейшины, парня немного отпустило. Но вместо облегчения на него навалились невеселые мысли. Как же так могло получиться, что в столь важный момент он вместо того, чтобы поддержать беседу и договориться с незнакомкой насчет сегодняшнего вечера, стоял, как дубовая крепь в шахте, и даже слова вымолвить не мог. Хорошо, что его позора никто из знакомых не видел и смеяться над ним не будут. Эх, такой шанс упустил, такой шанс...

На самом деле ничего не может укрыться от внимательных глаз жены старейшины. Не прошло и двести ударов сердца после того, как незнакомка скрылась в толпе, а достойная Миранда уже докладывала мужу о произошедшем. Гербарт внимательно выслушал супругу, незаметно ухмыльнулся в бороду и тихо спросил:

– Сколько ей лет?

– Она, конечно, постарше нашего горемыки, примерно лет на сорок, и кольцо на руке у нее с желтым сапфиром, – женщина задумалась на пять ударов сердца и решительно сказала: – Опрятная, да на вид работающая. Думаю, что она будет хорошей женой для Ранбарта.

Старейшина, поглаживая бороду, медленно кивал, обдумывая услышанное. Его абсолютно не волновало то обстоятельство, что девушка немного старше проходчика. А что волноваться, если почти у всех гномов жены старше мужей. И кольцо с желтым камнем, обозначающее, что его обладательница два раза была замужем, тоже ни капли не беспокоило главу рода. Наоборот, это очень хорошо. Значит, женщину не нужно будет учить, как вести себя с мужчиной. Тревожился старейшина лишь за то, что работающий на самых глубоких уровнях шахты молодой рудокоп до сих пор не женат. А сколько ему жить под сводом осталось? Год, два. Самое большее три. Да и то, если сильно повезет. Так что пора Ранбарту обзаводиться семьей и заводить потомство. Род не может просто так терять своих гномов.

– Хорошо, Миранда. Я не возражаю. Что делать дальше, ты знаешь, – сказал старейшина и незаметно погладил жену по руке. – А как там наш женишок?

Миранда улыбнулась и с нежностью посмотрела на супруга.

– Ну, прямо вылитый ты много лет назад.

Старейшина тихо фыркнул, оглянулся вокруг и неестественно суровым голосом начал отдавать распоряжения своему роду.

Первый песенный праздник устроил сам Владыка, причем, как гласили самые древние предания, Ортрун пел в полном одиночестве, потому что других гномов еще не суще-

ствовало. Так что получается, что гномы начали петь еще до своего появления в этом мире. В отличие от песен других народов песни гномов сочинялись не абы как, а исключительно по незыблемому канону, заведенному еще самим Первоначальным. Причем этот канон являлся столь трудным, что, например, эльфы так ни разу и не смогли придумать правильную песню подземного народа. Оно, кстати, и понятно. Тут и сами гномы с большим трудом могут такое осилить, куда уж сладкоголосым лесным обитателям. Именно поэтому победители песенного соревнования пользовались огромным уважением в народе и, по старинному обычаю, даже имели право носить в королевском замке боевой топор.

Сам же канон знаком любому гному с малых лет и даже высечен у многих на стенах домов. Поэтому на празднике имеется один, но самый справедливый судья – сам народ. Вот на этого судью и смотрел сейчас Осипов со своего места. Когда короля вытаскивали из провала и несли в замок, он толком ничего не смог рассмотреть. Не до того было. Так что именно сейчас Его Величество впервые увидел тех, с чьей помощью ему и двум его товарищам придется выполнять задание Старшей планеты Земля.

Николай всей кожей чувствовал тысячи направленных на него взглядов. Ощущал жадное нетерпение толпы. Медленно, поистине с королевским величием, Николай поднял руку над головой и после небольшой паузы торжественно произнес ритуальную фразу открытия праздника.

Толпа разразилась криками восторга и затопала ногами. На площадку перед королевской трибуной шагнули четыре первых претендента на победу.

– Уф... Пока молодняк выступать будет, можно ненадолго расслабиться, – с явным облегчением в голосе промолвил маг и тут же обратился к воеводе: – Так вы, почтенный Нортбарт, говорите, стихи писали?

Шипулин смущенно отвел взгляд в сторону:

– Писал, это громко сказано. Баловался этим делом. Вернее, пытался баловаться. Преподавательница по литературе у нас очень хорошая была. Даже меня ненадолго смогла увлечь этим... этими... – Андрей, словно откручивая вентиль водопроводного крана, замысловато повертел пальцами перед собой, так и не сумев сказать, чем же именно смогла увлечь его учительница литературы.

– Отлично! – Нагибин улыбнулся и энергично потер ладонями. – Значит, среди нас есть фактически дипломированный поэт! Тогда тебе и кирки в руки.

Король с унынием наблюдал за разговором товарищей. Он вообще крайне скептически отнесся к идее мага. Шутка ли! Выступить с наиважнейшим обращением к народу, да не просто так, а именно в песенном виде. Причем с полным соблюдением канона. А это практически никому не удастся. Эх! Слишком Владыка суровые правила придумал.

Здесь и жесткое ограничение в количестве строф. И постоянно повторяющаяся первая строка. А также куча дру-

гих ограничений. Единственное, что не вызывало раздражения Осипова, так это замечательный припев, состоящий из немногих дошедших до настоящего времени слов древнего языка гномов. Причем слова весьма хитро накладывались как на максимально быстрый темп ударов кирки о твердую породу, так и на самые мощные удары молота по наковальне. Эх... Как ни крути, а написать за пару часов обращение к народу при таких условиях невозможно.

К реальности Николая вернул хохот толпы. Инженер встрепенулся, обвел площадь взглядом. Понятно. Новички закончили свои песнопения и под дружный, но совершенно незлобивый смех покидали место выступления, освобождая сцену для более умелых певцов. А это означает, что королю необходимо время от времени поглядывать на площадку и иногда небрежной мимикой реагировать на происходящее.

– Это никуда не годится! – донесся до Осипова раздраженный голос мага. – Где ты видишь здесь рифму? А в первом куплете первая строчка совсем другая, чем во втором.

Несчастный воевода заерзал в кресле, страдальчески поднял взгляд к потолку, скрывавшемуся в непроглядной мгле:

– И дернул же меня проклятый мрак ляпнуть насчет стихов. Я их уже лет пятнадцать не писал. Да и не умел ни фи-га, – Андрей решительно закинул на правое плечо отбойный молоток, всем своим видом показывая, что более он ни в каких сомнительных мероприятиях принимать участие более не собирается.

– Значит, так, – вмешался в разговор Николай. – Хватит ерундой заниматься, видно же, что ничего хорошего из этой затеи не получится. Надо придумать обычную речь, без всяких выкрутасов, и спокойно произнести ее после окончания праздника.

Павел Анисимович для приличия еще немного поспорил с королем, но в конце концов сдался и, постукивая ладонью по шкатулке, стоявшей у него на коленях, надолго погрузился в глубокие раздумья.

Король с воеводой немедленно воспользовались неожиданным перерывом и с интересом глазели на представление. Его Величество пару раз милостиво поднимал бровь и одобрительно кивал. Каждое его движение вызывало у толпы восторженный рев, а певцы, попавшие под королевское одобрение, буквально светились от счастья.

– Ваше Величество, – маг наклонился к королю и, не выпуская из рук шкатулку с картами, тихо прошептал: – В общем, я полностью продумал ваше выступление. Теперь слушайте и запоминайте.

И Нагибин начал нудным, монотонным голосом рассказывать о том, что семья – это ячейка общества и что важное внимание будет уделяться воспитанию детей посредством школьного образования по новым методикам, разработанным при непосредственном участии Владыки. И что пора самым решительным образом покончить с набегам банд. Не забыл почтенный маг упомянуть и об обязательном повыше-

нии производительности труда и мирной экспансии королевства на рынки сбыта сопредельных государств.

Уже через пять минут инженер понял, что никакой речи он произносить не будет. Так как горячо обожающий его народ не поймет ни одного слова из столь долго подготавливаемого обращения. Воевода поначалу с большой заинтересованностью внимал мудрым речам мага, но чем дальше забирался Павел Анисимович в дебри геополитики, тем скучнее становилось лицо бывшего горного рабочего шестого разряда. Вдобавок ко всему отбойный молоток крайне неудобно лежал на закованном в железо правом плече воеводы, так и норовя сползти с него и грохнуться на застеленные старой, истрепанной материей доски пола.

Андрею это до крайности надоело, и он решил пристроить отбойник поудобнее. Резким, отточенным за годы, проведенные в забое, движением воевода стряхнул «малыша» с плеча и практически без замаха перебросил его себе на колени. Вернее, попытался перебросить. Шипулин совершенно не принял в расчет то обстоятельство, что его нынешний рост весьма отличается от его роста в прошлой жизни. При чем в гораздо меньшую сторону. Отбойный молоток, описав хитрую траекторию, вместо того, чтобы приземлиться на колени воеводы, лишь скользнул по ним и угодил пикой прямо в бок Осипову.

Крик короля заглушил очередного выступающего, который как раз распевал о всеобъемлющих достоинствах Его

Величества и о том, как великолепно живет народ под его несравненно мудрым управлением. С перекошенным лицом Николай вскочил с кресла:

– Твою мать! – орал он, прижимая ладони к сильно ушибленному боку. – Да так же можно все почки поотбивать!

Сзади набежали придворные, суетливо закружились вокруг пострадавшего. Мелькнула озабоченная физиономия хранителя. Морщась от боли, инженер зло цыкнул на назойливых спасателей и, взмахнув рукой, отогнал их прочь. Народ же, особо не понявший, что произошло на королевском помосте, оценил ситуацию по-своему. Толпа неодобрительно зашумела на певца, и тот с пристыженным лицом молниеносно слинял с площадки. Больше никто хвалебных песен о короле не пел. Хотя до этого момента репертуар певцов на добрую треть состоял именно из них.

Кое-как справившись с ситуацией, Осипов так тяжело уселся на свое место, что крепкое дубовое кресло ощутимо затрещало. Король, потирая бок, бросил недовольный взгляд на притихшего воеводу. А раздраженный ненужной кутерьмой маг зло прошипел прямо в лицо Шипулину:

– Проклятый мрак! Тебя что, мать учила молотком махать? Прислони его к креслу. А то ты короля, не дай Владыка... – Павел Анисимович благоразумно не стал заканчивать свою мысль. – Так на чем я остановился? Ах, да. Пятнадцатый пункт нашей программы формулируется следующим образом...

С выражением неизмеримого страдания на лице Его Величество повернулся к воеводе, надеясь своим видом устыдить Шипулина за безобразное поведение. С удивлением король увидел, что воевода не только не раскaiвается в содеянном, а наоборот, сидит с весьма довольным видом и что-то бормочет себе в бороду.

Задохнувшийся от негодования Осипов уже раскрыл рот для сердитой тирады, но воевода его опередил. Он, радостно потирая руки, обратился к товарищам:

– Я сочинил первую строфу песни! Просто отлично получилось!

Умолкнувший на полуслове маг устало потер глаза и привычным жестом погладил бороду:

– Ну, давай, показывай, что там у тебя...

Выступление подающих надежды певцов давно завершилось. Уже вовсю подбадриваемые ревом толпы пели самые лучшие, можно сказать, заслуженные трубадуры королевства. Его Величеству даже несколько раз пришлось прервать бурное обсуждение и публично выразить свое одобрение особо сладкоголосым исполнителям. А один раз так даже встать и помахать у себя над головой руками, выражая таким образом наивысшую для короля степень одобрения услышанного. Народ, надрывая глотки, распевал особо понравившиеся куплеты. Это очень мешало облачению официальной речи в стихотворную форму. Приходилось прерывать творческий процесс и подключаться к всеобщему ликованию. Но

как только шум смолкал, три гнома на королевском помосте снова начинали жаркую дискуссию.

— А я все равно настаиваю, что слово «жинка» никак не соответствует важности заявленных отношений! — кипятился маг. — Семья — это настолько серьезное дело, что опешлять его простонародными словечками просто недопустимо! А королевская семья так вообще является эталоном для всех жителей! А вы с какими-то нелепыми «жинками» туда лезете.

— Да везде у нас так говорят, — отчаянно спорил с ним Николай. — И народу это нравится. Что бы ни говорили по этому поводу высоколобые преподаватели в институтах! И мне нравится! Да всем нравится, спроси, у кого хочешь. Вот, к примеру, у воеводы.

Шипулин, самолично вставивший в стихотворную строку злосчастную «жинку», страшно гордился своим творчеством и не допускал ни малейшей мысли насчет того, чтобы выкинуть хоть одно слово из песни. Поэтому воевода, целиком поддерживая короля, с такой силой закивал головой, что парадный шлем, обильно украшенный столь любимыми им рубинами и состоящий практически из чистого золота, слетел с головы и грохоча покатился вниз прямо под ноги очередного певца.

Над площадью мгновенно воцарилась полная тишина. Даже осанистый гном с причудливо заплетенной бородой прервал свою песню и стоял с широко открытым ртом, устремив

неверящий взгляд на шлем.

Несколько долгих секунд ничего не происходило. Лишь где-то высоко, под самым потолком, прошелестела крыльями невидимая в темноте стая летучих мышей, да одинокий старческий голос прошамкал с дальнего конца площади. «Так когда песни-то петь начнут?»

А потом толпа взорвалась таким оглушительным криком, быстро перешедшим в животный, почти человеческий рев, что у Осипова напрочь заложило уши. Народ вскидывал вверх кирки и молоты, исступленно тряс бородами. Женщины, особенно те, кто помоложе, подпрыгивали на месте, размахивая над головами длинными кусками материи, подозрительно напоминающим обычные половые тряпки. Эта вакханалия продолжалась не менее пяти минут. Король очумело смотрел на внезапно сошедших с ума подданных, пока не вспомнил, что воевода только что возобновил давно не действующую старинную традицию праздника. Когда знатный вельможа, в знак своего наивысшего одобрения, бросал под ноги певцу самый ценный предмет своего доспеха. Традиция эта настолько древняя, что уже во времена правления Шлюксбарта Первого о ней ходили только легенды. Видимо, и воевода понял, что он сейчас натворил. Поэтому и сидел с ошарашенным лицом, всем своим видом являя собой аллегорическую статую борьбы жадности с глубокой досадой.

Разбушевавшийся народ, наконец, умолк и сконцентрировал свое внимание на бледном певце. Взволнованный гном

поглядывал по сторонам, теребил бороду и постоянно чесал затылок. Он явно стоял перед труднейшим выбором. Поднять шлем и таким образом выбыть из соревнования или продолжить выступление с надеждой победить на празднике. Певец еще немного поколебался, резко взмахнул рукой и подхватил с брусчатки драгоценный шлем. Толпа снова взвыла и бесновалась до тех пор, пока король взмахом руки не прекратил это безобразие. Гномы перестали кричать, и после небольшой заминки к подножию королевского трона шагнул следующий претендент.

– Слушай, воевода, – маг недобро покосился на Шипулина и медленно протянул. – От тебя постоянно исходят всяческие проблемы. Ты бы это... Сиди спокойно и от греха подальше даже не шевелись. А то уже боюсь представить, что ты выкинешь в следующий раз.

Не менее сердитый король демонстративно потер бок:

– Твое счастье, что я не тиран, а просвещенный правитель. Другой сперва вздернул бы тебя на воротах замка за покушение на жизнь Его Величества, а потом спокойно пошел обедать...

Осипов внезапно замолчал, весь как-то разом осунулся и с тоской уставился на свой живот. Поняв, что короля скрутил очередной приступ голода, Нагибин поспешил увести разговор от опасной темы:

– А кто-нибудь слышал, о чем говорилось в этой песне? Нет? Жаль. Интересно, о чем же в ней поется...

Праздник подходил к завершению. Уже появился на площадке прошлогодний победитель, уже придворные за спиной короля завели откровенные разговоры о скором пире в замке, а три товарища все никак не могли прийти к общему мнению. Воевода в очередной раз прочитал речь и теперь ожидал вердикт напарников.

– Вроде все хорошо, но чего-то не хватает, – хмуро сказал маг. – Нет, действительно все хорошо, но чую где-то прокол.

Король ничего не ответил, лишь неопределенно пожал плечами. Ему сейчас больше всего на свете хотелось оказаться за накрытым столом, впиться зубами во вкуснейший кабаний окорок и, не обращая никакого внимания на стекающий по подбородку жир, отрывать огромные куски мяса от кости и, урча от наслаждения, жевать, жевать, жевать...

Николай так размечтался, что явственно почувствовал невыразимо прекрасный запах окорока. Пусть проклятый колдун сам читает эту идиотскую речь перед народом. Хватит издеваться над королем. Больше нет сил терпеть. А это что такое? Отлично! Последняя песня отзвучала, сейчас объявлю победителя и немедленно отправлюсь в пиршественный зал. Осипов с силой сжал виски ладонями и крепко зажмурил глаза. Чужие желания, почти полностью заполонившие сознание инженера, не спешили уходить, упорно цеплялись за самый мельчайший шанс. Манили обворожительными видами истекающего соком мяса, огромными ломтями хлеба и пивными кружками совершенно невероятных

размеров. Манили так сладко, с такой ненавязчивой твердостью, что Николай со страхом осознал – он для себя уже все решил. Ничего говорить подданным не будет, а вместо этого как можно быстрее направится в замок.

Самое же ужасное для Осипова заключалось в том, что он прекрасно осознавал все катастрофичные последствия такого поступка, но сопротивляться этому больше не мог. Более того, инженеру стали вполне понятны и близки мысли короля, и он с отстраненным удивлением осознал, что в данном случае Шлюксбарт полностью прав. И его личное решение, безусловно, принесет гораздо больше пользы королевству, чем нелепые и смешные советы мага и воеводы.

Всегорный правитель Рудного королевства Его Величество Шлюксбарт Пятый надменно посмотрел вверх голов гномов, копошащихся под его ногами на площади. Подданные, словно уловив желание своего повелителя, дружно запели песню, тем самым показывая королю, кто сегодня победил на празднике. Слова народишко еще плохо запомнил, но когда дело дошло до припева, то площадь слаженно его подхватила, и под сводами города мощно зазвучали слова древнего языка.

Запертый словно в темнице, Осипов заметался внутри разума короля, тщетно пытаясь хоть как-то повлиять на происходящее. На самом краю сознания Шлюксбарта Николай заметил тонкий луч света. Инженер в панике метнулся к нему и внезапно оказался в освещенной светильниками уз-

кой штробе. Под ногами захрустели камни, а в воздухе повисла тонкая завеса пыли. Мрачный отец молча протянул сделанную специально для Младших тяжелую кирку:

– На – возьми. Ты понял, как надо рубить?

– Да. Я понял.

Маленький Шлюксбарт, чуть менее шести лет от роду, взял инструмент, неуклюже размахнулся и вонзил острое кайло в породу. От стены отскакивали мелкие камни, больно секли ладони.

– Сильней! Сильней бей! – рычал отец, внимательным образом наблюдая за действием сына. – Еще сильней!

Тяжело дыша, младший опустил вниз руки и посмотрел на отца:

– Ну, как? Получается у меня?

– Нет. Давай еще раз. Я тебе помогу.

Младший поудобнее перехватил деревянную рукоятку и снова начал бить в стену. А отец, держа в руках свою кирку со вставленными возле крепления рукояти мощными магическими рунами, переливающимися красивым темно-синим цветом, запел старинную песню рудокопов. Странное дело, но как только Николай услышал монотонную мелодию, руки у него налились силой, голова прояснилась, удары стали получаться хлесткие, от стены стали отваливаться большие куски камня. Осипов упорно бил в стену, а на душе у него вдруг стало хорошо и спокойно...

– Слава Великому королю Шлюксбарту Пятому! Слава! –

орал охрипшими голосами народ на площади и дружно топал ногами.

– Да что с тобой такое? – тревожно зашептал в ухо королю маг, осторожно трогая того за рукав. – Очнись, твой выход, парень. Давай иди. Народ жаждет узнать победителя.

Николай как-то странно посмотрел на Нагибина, вытер тыльной стороной ладони неизвестно от чего выступивший на лбу пот и тихо сказал:

– Я понял, где мы совершили ошибку.

Маг потерянно уставился на короля и от души с глубоким знанием дела громко выругался. Придворные, как по команде, испуганно загомонили, панически замахали руками, а один из них со всех ног припустил к воротам замка. Осипову пришлось обернуться и небрежным кивком успокоить встревоженную элиту королевства. Но еще долго в толпе сановников раздавалось сдавленное оханье и еле слышный шепот насчет таинственных, пугающих своей непостижимостью заклинаний мага. Сам же виновник паники устало покачал головой и с неподдельной тоской спросил у короля:

– Так что ты там говорил насчет ошибки?

– То и говорил. У нас речь получилась весьма удачная, но юмористическая. Сами посудите... – Осипов выразительно прочитал первый куплет и обвел взглядом товарищей. – Поняли? А надо торжественно и без малейшего признака веселья.

– Времени у нас больше нет. Ни одной секунды, – серьез-

но произнес Павел Анисимович и очень печальным голосом продолжил: – Придется отложить все это дело до завтра.

Воевода встрепнулся, пожал плечами, снисходительно посмотрел на унылую физиономию Нагибина:

– А зачем переносить? Просто сейчас перевернем ситуацию с ног на голову. Как? А очень просто...

Ранбарту очень хотелось узнать имя победителя. Он, как и все присутствующие на празднике, уже прекрасно знал, кто сегодня лучше всех пел. Но традиции праздника незыблемы. Раз король должен объявить победителя, так пускай и объявляет, а не шушукается со своей свитой.

– Что они там возятся! Сколько же еще ждать придется? – проворчал Ранбарт и с досадой ударил стоявшего рядом брата по плечу.

– Ты что, обалдел? – рассерженно заорал Вилибарт. – Да я тебя сейчас...

Дальнейшие его слова заглушил восторженный рев толпы. Король медленно поднялся из кресла и подошел к краю помоста. Несколько долгих ударов сердца Его Величество обводил взглядом мгновенно притихших гномов. Ранбарту показалось, что король сейчас похож на рудокопа, который вот-вот приступит к очень серьезной и опасной работе. А еще проходчик заметил, как изменился взгляд Шлюксбарта. Еще утром он был такой сонно-расслабленный, а сейчас король смотрел на толпу упорным, весьма цепким взором.

– Мой народ! – голос короля звонко разнесся над площа-

дью. – Прежде чем я объявлю победителя праздника, сделаю очень важное сообщение.

Гномы вокруг Ранбарта непроизвольно вздрогнули, а у старейшины, к большому удивлению молодого проходчика, радостно блеснули глаза.

– Владыка донес сегодня свою волю до каждого из нас. Вы видели и слышали это сами, – король ненадолго замолчал и продолжил, все более и более чеканно произнося слова. – Его воля будет исполнена. Это будет непросто, но мы справимся. Справимся, несмотря ни на что!

Гномы начали переглядываться с соседями, бросать вопросительные взгляды на старейшин. Те в свою очередь морщили лбы, чесали затылки, но ничего не говорили.

– Мой народ! После того как я оказался в чертогах Владыки, первыми ко мне подошли отец и мать. – Над толпой пронесся удивленный вздох. Король кивнул, он явно ожидал именно такую реакцию. – Все знают, что здесь, в нашем мире, они не успели меня научить многим вещам. Очень многим. Из-за этого дела в королевстве шли не так, как положено. Но там, – Шлюксбарт ткнул рукой в потолок. – Там у них было достаточно времени для исправления ошибок. И они их исправили. И клянусь, что с этой секунды все мои помыслы, все мои деяния будут направлены исключительно на благо моего народа. На благо нашего королевства.

Ранбарт, как и многие другие, открыл рот. То, что сейчас сказал король, являлось абсолютно невозможным событием.

Даже в самых древних преданиях никогда не упоминалось, что правитель вот так, запросто может сказать: я – виноват.

Шлюксбарт обернулся и отдал какое-то распоряжение своей свите. Придворные бестолково засуетились, кружась на одном месте, словно молодая слизь. Но после гневного окрика короля пришли в себя и под руководством главного хранителя двумя нестройными колоннами обошли помост и встали по краям площадки для выступлений певцов. На старом месте остались лишь Хозяева Замков в окружении многочисленной родни. Король в сопровождении мага и воеводы торжественно спустился с помоста и прошествовал в центр площадки.

Вокруг Ранбарта раздавались недоуменные возгласы, некоторые гномы даже подпрыгивали в надежде рассмотреть, что же там происходит, а самое главное, что произойдет вслед за столь непонятным нарушением раз и навсегда заведенного порядка. А произошло следующее: король встал спиной к замку и громовым голосом прокричал:

– Мой народ! Слушайте и запоминайте, – Шлюксбарт набрал полную грудь воздуха и неожиданно запел:

Как учила меня мать
Жинку крепко обнимать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.